

Война, которая положит конец войне

Герберт Уэллс

THE WAR THAT WILL END WAR

BY

H. G. WELLS

Author of "Tono-Bungay," "The New
Machiavelli," "Marriage," etc.

NEW YORK
DUFFIELD & COMPANY

1914

Электронная книга проекта "Гутенберг" о войне, которая положит конец войне

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Война, которая положит конец войне

Автор: Герберт Г. уэллс

Дата выхода: 10 июля 2018 [Электронная книга № 57481]

Язык: Английский

Титры: Продюсер Дэвид Кинг и команда корректоров, занимающаяся онлайн-распространением на <http://www.pgdp.net>. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВОЙНА, КОТОРАЯ ПОЛОЖИТ КОНЕЦ ВОЙНЕ" ***

Война, которая положит конец Войне

Война, которая положит конец Войне

ВуГерберта уэллса

Автор книг "Тоно-Бангей", "Новый Макиавелли", "Женитьба" и др.

НЬЮ-ЙОРК

Даффилд и компания

1914

Авторское право 1914 года

Герберта УЭЛЛСА

Содержание

I Почему Британия вступила в войну	9
II Меч мира	16
III Руки прочь от еды народа	23
IV О мистере Максимилиане Крафте	32
V Самые необходимые меры в мире	40
VI Необходимость новой карты Европы	50
VII Возможности либерализма	60
VIII Либеральный страх перед Россией	69
IX Обращение к американскому народу	80
X Здравый смысл и балканские государства	89
XI Война разума	97

Я ПОЧЕМУ БРИТАНИЯ ВСТУПИЛА В ВОЙНУ ЧЕТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ТОГО, ЗА ЧТО МЫ БОРЕМСЯ

Причина войны и объект войны не обязательно одно и то же. Причиной этой войны стало вторжение в Люксембург и Бельгию. Мы объявили войну, потому что были связаны договором об объявлении войны. Мы были обязаны защищать целостность Бельгии с тех пор, как существует королевство Бельгия. Если бы немцы не нарушили гарантии, которыми они поделились с нами, уважать нейтралитет этих маленьких государств, мы, конечно, не были бы в состоянии войны в настоящее время. Укрепленную восточную границу Франции можно было удержать от любого нападения без какой-либо помощи с нашей стороны. У нас не было там ни обязательств, ни интересов. Мы были обязаны Франции просто защищать ее от морского

нападения с моря, но немцы уже дали нам обязательство не предпринимать такого нападения. Именно наш бельгийский договор и внезапное возмущение Люксембурга подтолкнули нас к этому конфликту. Ни одна Держава в мире не стала бы уважать наш Флаг или снова принимать слово нашего государства, если бы мы не сражались. Вот и вся непосредственная причина войны.

Но теперь мы переходим к цели этой войны. Мы начали сражаться, потому что наша честь и наше обещание обязывали нас; но как только мы вступаем в бой, мы должны спросить себя, какова цель, к которой стремится наша борьба. Мы не можем просто перебросить немцев обратно через бельгийскую границу и сказать им, чтобы они больше этого не делали. Мы находимся в состоянии войны с огромной военной империей, с которой мы делали все возможное для поддержания мира с тех пор, как она впервые возникла на руинах французского империализма в 1871 году. А война - это смертельный конфликт. Теперь мы должны либо уничтожить, либо быть уничтоженными. Мы не стремились к такой расплате, мы делали все возможное, чтобы избежать ее; но теперь, когда нам ее навязали, крайне важно, чтобы это была тщательная расплата. Это война, которая затрагивает каждого человека и каждый дом в каждой из воюющих стран. Это война, как сказал мистер Сидни Лоу, не солдат, а целых народов. И это война, которая должна вестись до такого конца, чтобы каждый мужчина в каждой из вовлеченных стран понимал, что произошло. Не может быть никакого дипломатического урегулирования, которое оставило бы германскому империализму свободу объяснять свой провал своему народу и начинать новые приготовления. Мы должны продолжать, пока с нами не будет покончено окончательно, или пока немцы как народ не поймут, что они разбиты, и не убедятся, что с них хватит войны.

Мы сражаемся с Германией. Но мы сражаемся без какой-либо ненависти к немецкому народу. Мы не намерены разрушать ни его свободу, ни его единство. Но мы должны разрушить порочную систему правления и ментальную и материальную коррупцию, которая овладела немецким воображением и овладела немецкой жизнью. Мы должны разбить прусский империализм так же основательно, как Германия в 1871 году разбила прогнивший империализм Наполеона III. И также мы должны извлечь уроки из неудачи с этой победой, чтобы избежать мстительного триумфа.

Этот прусский империализм в течение сорока лет был невыносимой помехой на земле. С момента разгрома Франции в 1871 году зло усилилось и бросило свою распространяющуюся тень на Европу. Германия проповедовала всему беспокойному миру пропаганду безжалостной силы и политического материализма. “Кровь и железо”, - хвасталась она, - были цементом ее единства, и почти так же открыто маленькие, подлые, агрессивные государственные деятели и профессора, которые привели ее судьбу к нынешнему конфликту, исповедовали цинизм и полное пренебрежение любыми целями, кроме национально-эгоистичных, как если бы это была религия. Зло так же, как и добро, может быть превращено в Канту. Физическая и моральная жестокость действительно стала кантом в сознании немцев и распространилась из Германии по всему миру. Я бы хотел, чтобы можно было сказать, что английская и американская мысль полностью избежала своего разложения. Но теперь, наконец, мы встряхнулись и обратились против этого хвастливого зла, чтобы избавить от него мир. Весь мир устал от этого. И “Готт!” — Готт, которого так постоянно призывают, — Готт, должно быть, действительно очень устал от этого.

Это уже самая масштабная война в истории. Это война не наций, а человечества. Это война, направленная на изгнание дьявола из мира безумия и конец эпохи.

И обратите внимание, что у этого Жаргона об общественной гнилости была своя тайная сторона. Человеку, который проповедует цинизм в своих собственных деловых операциях, лучше бы держать детектива и кассовый аппарат для своих клерков; и это самая естественная вещь в мире - обнаружить, что эта система, которая внешне мерзка, также прогнила изнутри. Рядом с кайзером стоит фирма Круппа, вторая глава государства; на самых ступенях трона находится фонд вооружений, этот организованный негодяй, который своей безжалостной пропагандой ради наживы подорвал всю безопасность цивилизации, воспитал прессу и доминировал в ней, правил национальной литературой и развращал университеты.

Подумайте, кем были немцы и какими они могут быть. Вот раса, главный недостаток которой - покорность и вера в учителей и правителей. В остальном, как засвидетельствуют все, кто близко его знает, это самый дружелюбный из народов. Оно от природы доброе, любящее комфорт, детей, музыкальное, артистичное, интеллигентное. Во многих отношениях немецкие дома, города и загородные районы являются самыми цивилизованными в мире. Но эти люди действительно немного потеряли голову после побед шестидесятых и семидесятых годов, и началась пропаганда национального тщеславия и национальных амбиций. Это было организовано глупо сильным государственным деятелем, это поощрялось безумием на троне. Это было защищено от полезной критики нетерпимой цензурой. Это никогда не давало здравому смыслу шанса. Определенная патриотическая сентиментальность слишком легко поддавалась внушению льстеца, и так возникла эта чудовищная торговля оружием. Немецкий патриотизм стал "интересом", величайшим из "интересов". Он развил обширную рекламную пропаганду. Он субсидировал Военно-морские лиги и Воздушные лиги, угрожая миру. Человечество, как мы поняли слишком поздно, было виновно в неисчислимой глупости, позволив частным лицам извлекать выгоду из ужасных приготовлений к войне. Но зло было начато; немецкое воображение было захвачено и поработщено. Каждой другой европейской стране, которая ценила свою целостность, была навязана непреодолимая необходимость вооружаться и муштроваться — и все еще вооружаться и муштроваться. Деньги были изъяты из образования, из социального прогресса, из предпринимательской деятельности, искусства и научных исследований, из любого вида счастья; жизнь была испорчена и омрачена.

Так что жатва этой тьмы приходит сейчас почти как облегчение, и, несмотря на наши неудобства, мы испытываем мрачное удовлетворение от того, что можем наконец взглянуть сквозь рев и муки полей сражений на возможность организованного мира.

Ибо теперь это война за мир.

Он направлен непосредственно на разоружение. Он направлен на урегулирование, которое навсегда положит конец подобным вещам. Каждый солдат, который сейчас сражается против Германии, является крестоносцем против войны. Эта величайшая из всех войн, это не просто еще одна война — это последняя война! Англия, Франция, Италия, Бельгия, Испания и все маленькие страны Европы смертельно устали от войны; царь выразил страстную ненависть к войне; большая часть Азии не настроена воевать; Соединенные Штаты не питают иллюзий относительно войны. И никогда война не начиналась так радостно, и никогда война не начиналась с таким мрачным решением. В Англии, Франции, Бельгии, России не думают о славе.

Мы знаем, что сталкиваемся с беспрецедентной резней и агонией; мы знаем, что ни для одной из сторон не будет легких триумфов или головокружительных побед. В этом воюющем море людей уже царят голод и отвратительная резня, и вскоре должны прийти болезни.

Может ли быть иначе?

Мы сталкиваемся, возможно, с самой ужасной зимой, с которой когда-либо сталкивалось человечество.

Но мы, англичане, и наши союзники, которые не стремились к этой катастрофе, встречаем ее скорее с гневом и решимостью, чем с отчаянием.

Мы должны пройти через эту войну, через боль, через душевные муки, которые хуже боли, через моря крови и грязи. От нас, англичан, ничего не скрывали. Мы знаем, что такое война; у нас нет иллюзий. Мы читали книги, которые рассказывают нам о зловонии полей сражений и природе ран, книги, которые Германия подавляла и прятала от своего народа. И мы сталкиваемся с этими ужасами лицом к лицу, чтобы положить им конец.

Больше не будет ни кайзеров, ни Круппов, мы полны решимости. Этой глупости придет конец!

И в урегулирование должны войти не только нынешние воюющие стороны.

Вся Америка, Италия, Китай, скандинавские державы должны иметь право голоса при окончательной перестройке и приложить свои руки к окончательным гарантиям. Я не имею в виду, что им нужно сделать один выстрел или зарядить одно ружье. Но они должны войти. И в особенности на Соединенные Штаты мы надеемся сыграть свою роль в том умиротворении мира, ради которого работает вся наша нация и за которое тысячи людей сейчас отдают свои жизни.

II

МЕЧ МИРА

**“КАЖДЫЙ МЕЧ, КОТОРЫЙ СЕЙЧАС ОБНАЖЕН ПРОТИВ
ГЕРМАНИИ, - ЭТО МЕЧ, ОБНАЖЕННЫЙ ВО ИМЯ МИРА”**

Европа в состоянии войны!

Чудовищное тщеславие, порожденное легкими победами 70-го и 71-го годов, бросило вызов миру, и Германия готовится пожинать урожай, посеянный Бисмарком. Это попирающее, сверлящее безумие в сердце Европы, которое остановило цивилизацию и омрачило надежды человечества на сорок лет. Германский империализм, германский милитаризм нанес свой неизбежный удар. Победа Германии будет означать постоянное воцарение Бога Войны над всеми делами человечества. Поражение Германии может открыть путь к разоружению и миру на всей земле.

Для тех, кто любит мир, в нынешнем конфликте не может быть другой надежды, кроме поражения, полной дискредитации немецкой легенды, окончательного конца и всех суеверий крови и железа, Круппа, размахивающего флагом тевтонского киплингизма и всей той преступной, фальшивой эффективности, которая сосредоточена в Берлине. Никогда еще война не была такой праведной, как сейчас, война против Германии. Ни одно государство в мире так не требовало наказания.

Но следует помнить, что ссора Европы связана с немецким государством, а не с немецким народом; с системой, а не с расой. Древняя традиция Германии - это мирная и цивилизующая традиция. Темперамент большинства немцев добрый, здравомыслящий и дружелюбный. Катастрофа для немецкой армии, если она не будет сопровождаться каким-либо таким запоминающимся проступком, как расчленение или невыносимое унижение, будет означать восстановление величайшего народа в Европе в братстве западных наций. Роль Англии в этой грандиозной борьбе ясна как божий день. Мы должны сражаться. Хотя бы из-за возмущения Люксембурга мы должны сражаться. Если мы не будем сражаться, Англия перестанет быть страной, которой можно гордиться; это будет грязная ванна, из которой нужно выбираться. Но это немыслимо, чтобы мы не сражались. А раз мы сражались, то в час победы нам предстоит спасти освобожденных немцев от мстительного обращения, обеспечить этому великому народу их право, как единого немецкоязычного государства, на место под солнцем.

Сначала мы должны спасти себя и Европу, а затем мы должны встать между немцами, с одной стороны, и казаками и отомстить - с другой.

Со своей стороны, я не сомневаюсь, что Германия и Австрия обречены на поражение в этой войне. Это может быть и не катастрофическое поражение, хотя даже такое возможно, но это поражение. В звездах нет судьбы, и все знаки ложны, если это не так.

Они спровоцировали превосходящую комбинацию врагов. Они недооценили Францию. Им мешают плохие социальные и военные традиции. Немец от природы не является хорошим солдатом; он аккуратен и послушен, но он не проворен и не сообразителен; со времени его единственного значительного военного достижения, его не очень продолжительного похода на Париж в 1870 и 71 годах, условия современной войны были почти полностью изменены, и в направлении, которое подчиняет массовые боевые действия неразумных людей быстрой инициативе отдельных солдат. И, с другой стороны, после тех лет бедствий француз усвоил урок смирения; теперь он мрачно подготовлен к мрачной борьбе; его серьезность предшествует поразительным победам. В воздухе, в открытом поле, с пушками и машинами, вряд ли кто-нибудь полностью осознает превосходство своих качеств над немецкими. Это внезапное нападение может застать его врасплох на неделю или около того, хотя я сомневаюсь даже в этом, но в конце концов, я думаю, он выстоит; даже без нас он выстоит, и тогда я осмелюсь предсказать, что через три месяца его Триколор будет развеиваться над Рейном. И даже предположим, что его линия обороны будет прорвана при первом натиске. Даже тогда я не вижу, как немцы доберутся до Парижа или чего-либо поблизости от Парижа. Я не вижу, как можно повторить подвиг Седана против мощи современной обороны и язвительной мощи умного отступающего врага, о чем мы имели некоторое представление в Южной Африке. Уходящая немецкая армия, с другой стороны, будет гораздо менее грозной, чем уходящая французская армия, потому что в ней меньше "дьявола", потому что она состоит из людей, приученных подчиняться массам, потому что ее интеллект сосредоточен в офицерах-

аристократах, потому что она приходит в ужас, когда ломает ряды. Немецкая армия - это все, что призывники мечтали сделать из нашего народа; фактически, это армия, примерно на двадцать лет отстающая от требований современных условий.

На восточной границе этот вопрос вызывает больше сомнений из-за неопределенности ситуации в России. Особая военная мощь России, сила, которую она не смогла продемонстрировать в Маньчжурии, заключается в ее огромных ресурсах конницы. Запланированное вторжение в Пруссию может занять много недель, но возможности для рейдов в Восточной Германии огромны. Трудно предположить, насколько далеко российская атака будет руководствоваться разведданными и как далеко Россия допустит ошибку, но России придется совершить действительно катастрофическую ошибку, прежде чем она сможет перейти к обороне. Русский рейд с гораздо большей вероятностью будет угрожать Берлину, чем немец достигнет Парижа.

Тем временем на море идет борьба. Вэтом я готов к некоторым грубым потрясениям. Немцы посвятили немало энергии созданию агрессивного военно-морского флота, который можно было бы более разумно потратить на укрепление своих позиций в Европе. Вероятно, это очень хороший военно-морской флот, каждый корабль которого не уступает нашему. Но тот же недостаток изобретательности, та же относительная нетворчивость, которые удерживали немца позади француза в воздушных делах, заставили его, несмотря на мелководье его морей, следовать нашему примеру в военно-морских вопросах, и если мы ошиблись, а я верю, что мы ошиблись, переоценив важность большого линкора, немец, по крайней мере, очень любезно согласился с нашей ошибкой. Самым безопасным и эффективным местом для германского флота в настоящее время является Балтийское море. По эту сторону Кильского канала, если только я не переоцениваю возможности водного самолета, для него нет безопасной гавани. Если он зайдет в порт где бы то ни было, этот порт может быть разрушен, а закупоренные корабли могут быть на досуге уничтожены авиабомбами. Так что, если они по эту сторону Кильского канала, они должны удерживать море и сражаться, если мы им позволим, пока у них не кончился уголь. Битва в открытом море в этом случае - их единственный шанс. Они будут сражаться, несмотря ни на что, и с любой перспективой разгрома, хотя нам, безусловно, придется заплатить за эту победу кораблями и людьми. На Балтике мы не сможем добраться до них безучастия Дании, и они могут быть весьма полезны против России. Но, в конце концов, даже там мина, самолет и эсминец должны выполнить свою работу.

Итак, я полагаю, что Германия будет удерживаться на востоке и западе, и что ее флот будет практически уничтожен. Мы также должны быть в состоянии убрать ее корабли с морей и навсегда спустить ее флаг в Африке, Азии и Тихом океане. Как мне кажется, все вероятности указывают на это. Нет никаких причин, по которым Италия не должна придерживаться своего нынешнего нейтралитета, и у Дании и Японии под рукой есть значительный стимул присоединиться к нему, как только они убедятся в провале первого крупного наступления со стороны Германии. Все эти вопросы будут более или менее определенно решены в течение ближайших двух-трех месяцев. Я полагаю, что к тому времени германский империализм будет разбит вдребезги, и, возможно, можно будет предвидеть конец этапа вооружений в европейской истории. Франция, Италия, Англия и все более мелкие державы Европы сейчас являются миролюбивыми странами; Россия после этой огромной войны будет слишком истощена для дальнейших авантюр; разбитая Германия будет революционной Германией, которой так же надоели мундиры и империалистические идеи, как Франции в 1871 году, и

которая так же разочаровалась в превосходстве, как Болгария сегодня. Наконец-то для всех этих западных держав будет открыт путь к организации мира. Вот почему я, с моим декларируемым ужасом войны, не подписал ни одного из этих призывов и деклараций “остановить войну”, которые появились в последние несколько дней. Каждый меч, который сейчас обнажен против Германии, - это меч, обнаженный во имя мира.

III РУКИ ПРОЧЬ ОТ НАРОДНОЙ ЕДЫ

Это разрушенная войной статья, статья о выздоравливающих.

Характерно для жизнерадостной отваги того времени, что после того, как в субботу вечером это изделие было оставлено умирать, оно смогло, лишь слегка забинтованное, снова занять свое место на линии огня в четверг утром.

Впервые она была написана поздно вечером в пятницу; она была написана в настроении праведного возбуждения, и это была крайне неэффективная статья. Ночью я не мог заснуть из-за его вредности, а также потому, что мне так сильно хотелось, чтобы он подействовал сильнее и получил свой эффект. Я закончила около двух часов ночи и переделала его, а на следующий день написала все заново, по-другому и тщательно, и мне стало лучше думать. Во второй половине дня он был взорван открытием, что мистер Рансимен предвосхитил его основную идею. Он внес в Палату представителей Законопроект, дающий Торговому совету полномочия реквизировать припасенные или зарезервированные продукты питания и иметь с ними дело. Именно это потребовала моя статья. Моя статья "На пороге смерти" приветствовала это самое быстрое и решительное наше правительство

Затем я понял, что еще многое можно сказать об этой реквизиции продовольствия. Совет по торговле получил свои полномочия, но, по-видимому, их еще предстоит ввести в действие. Крайне желательно, чтобы существовало сильное общественное мнение, поддерживающее осуществление этих полномочий и наблюдающее за ними, и чтобы они немедленно применялись в надлежащий момент. Полномочия, которые мистер Рансимен так быстро получил для Министерства торговли, должны быть приведены в действие; должно быть столь же быстрое развитие местных комитетов и командос для реализации его идеи. Нехватка продолжается. Это еще не конец. Простые люди, которые так храбро и безропотно отправляют своих мальчиков на фронт, должны быть немедленно освобождены от невыносимых тягот, которые им причиняет определенная часть зажиточных классов, небольшая часть, но активно вредящая. Это право, а не требование благотворительности. Смешно относиться к проблеме как-то иначе.

До сих пор более бедные англичане проявляли удивительное и образцовое терпение в этом кризисе, смирение и мужество, которые заставляют человека еще больше гордиться тем, что он тоже англичанин. Помимо любой потери работы в настоящее время, каждому, кто наблюдал за нынешним ростом цен, должно быть ясно, и кто знает что-либо из первых рук о бедных семьях

или читая такие исследования, как миссис Пембер Ривз о семейных бюджетах бедных, что рядовые члены нашего населения сейчас не могут прокормиться в достаточном количестве. Они страдают от ненужных лишений, а также от ненужного раздражения. И нет ни малейшего сомнения в том, почему они испытывают эти страдания. Именно эта претенциозная часть зажиточных классов, та часть, которую мы могли бы обозначить фразой “деревня с автомобильным вождением”, класс “Тарифная реформа и будь прокляты Ллойд Джордж и Кир Харди”, самый избалованный и наименее склонный к публичности из всех слоев общества, которая набросилась на еду; она поддалась бесславной панике; она сломала ряды и бросилась в паническое бегство к магазинам и составила единственное позорное исключение в великолепном зрелище нашей национальной солидарности.

В то время как внимание всего порядочного английского народа было сосредоточено на подготовке к нашему решающему удару по прусскому господству в Европе, вилладом сновал по магазинам, скупал еду у простых людей, развозил ее в семейном автомобиле (украшенном, конечно, маленьким флагом Юнион Джека); отец отпросился на день из бизнеса, мать помогла, даже эти чокнутые с блестящими головами сыновья снизошли до помощи, и теперь вилладом, чувствуя себя немного в безопасности, готов с обеденным колокольчиком, своим характерным музыкальным инструментом, отправиться в путь. восхищаться победами, которые она сделала все возможное, чтобы испортить. И раскрученный и раздутый villadom, удачливый villadom, ставший миллионером, villadom такого масштаба, что может купить звание пэра и выписать вам чек на тысячи фунтов стерлингов в обмен на эффектный подписной лист, остался верен своим истокам. Лорд Маффик, подражая мистеру и миссис Маффик, очистил свой район от муки; пусть это войдет в историю. Теперь лорд Маффик объясняет, что он купил его, чтобы раздать своим более бедным соседям — это будет оправданием для этих людей, — но такого рода покупки так же пагубны с точки зрения цен, как и покупки для личного интерьера лорда Маффика. Чем скорее эта мука попадет из домов лорда Мэффика, Горацио Мэффика, эсквайра, молодого мистера Мэффика и остальных в дома их более бедных соседей, тем лучше для них самих и для страны. Величайшую опасность для Англии в настоящее время представляют не германская армия и не германский флот, а эта морально прогнившая часть нашего общества.

Теперь нет смысла ругать этих людей. Нет смысла взывать к их чести и патриотизму. Чести у них нет никакой, и их представление о патриотизме состоит в том, чтобы “обложить налогом иностранца”, размахивать Юнион Джеком и требовать введения в Англии именно той всеобщей воинской повинности, которая ведет прямо к тем массовым, неэффективным массовым убийствам простых солдат, которые начинаются на германском фронте войны. Увещевания могут поколебать девяносто девять человек, но один подлый человек из ста все испортит. То, что нужно сделать сейчас, - это сразу приступить к работе в каждом населенном пункте, реквизируя все избыточные частные запасы продовольствия или золотых монет — за них можно будет рассчитаться после войны — не только запасы частных скупщиков продовольствия, но и запасы спекулятивных оптовиков, которые задирают цены для розничных магазинов. Только таким образом можно полностью контролировать деятельность этого невыносимого маленького меньшинства. При каждом окружном совете должны быть немедленно сформированы продовольственные комитеты для представления отчетов о потребностях населения в целом и проведения расследований по поводу запасов, а также изъятия и распределения запасов, малых и больших.

Теперь это общественная работа, требующая самых осторожных и открытых методов. Распределение продуктов питания в Англии частично находится в руках крупных систем синдицированных магазинов, а частично все еще находится в руках местных торговцев из одного магазина. Крайне важно, чтобы операции как мелких, так и крупных продовольственных дилеров освещались как можно ярче. Крупные фирмы находятся под контролем людей, чьи деловые успехи во многих случаях свидетельствуют о благосклонности и доверии наших правителей. Лорд Девонпорт, например, пэр; сэр Томас Липтон - баронет; их следует рассматривать не как простых частных торговцев, а как людей, удостоенных чести быть связанными с иерархией нашей национальной жизни благодаря их выдающемуся вкладу в общественное питание. Это поможет им выполнять свои квазиобщественные обязанности, если мы окажем им поддержку нашим вниманием. Используют ли они свои огромные экономические преимущества для поддержания цен на разумном уровне, или эти различные системы синдицированных продовольственных магазинов также ставят что-то против потребителя? Благодаря согласованным действиям со стороны этих магазинов наиболее совершенный контроль цен возможен везде, за исключением нескольких отдаленных деревень. Делается ли это? В настоящее время никто не хочет видеть имена лорда Девонпорта, сэра Томаса Липтона или других богатых людей, связанных с ними в сфере продовольственных поставок, процветающих в королевских подписных листах; их работа находится совсем рядом. Чего мы все хотим, так это чувствовать, что они вкладывают все свои ресурсы в общественное питание, важной частью которого они являются. Позвольте мне сразу сказать, что у меня есть все основания полагать, что они это делают, и что они осознают ответственность, связанную с их должностями. Но мы должны держать в центре внимания их самих и их менее уважаемых и заметных собратьев-торговцев. Они играют столь же важную роль — более того, они призваны играть столь же храбрую и самоотверженную роль, — как любой генерал на фронте. Если они подведут нас, это будет хуже, чем потеря многих тысяч людей в бою. Давайте понаблюдаем за ними, и я верю, что мы будем наблюдать за ними с восхищением. Но давайте понаблюдаем за ними. Давайте сообщать об их передвижениях, просить их успокоить нас, вести хронику их визитов в Министерство торговли.

Я не буду распространяться о возможном героизме оптовой торговли провизией. Я лишь мельком рассматриваю возможность того, что лорд Девонпорт или сэр Томас Липтон после войны будут жить, финансово разоренные, но славные, в маленьком коттедже. “Я вернул людям в час их нужды то, что я заработал у них в часы изобилия”, - говорил он. “Я страдал, чтобы тысячи людей не страдали. Это ничто. Подумай о парнях, которые погибли в Бельгии”.

Судя по всему, небольшие торговцы провизией из одного магазина ведут себя на редкость хорошо. В моем родном городе Данмуо я знаю двух мелких лавочников, которые осмелились оскорбить важных покупателей, вместо того чтобы выполнить срочные заказы. Они заслуживают медалей. В бедных районах многие такие люди отдают должное, добиваются успеха, переходят на сторону государства и все время идут на огромный риск. Не все герои пали на поле боя, и некоторые из героев этой войны сейчас доблестно сражаются за нашу землю за прилавками бакалейных лавок и в деревенских универсальных магазинах, и могут закончиться если не в могильной яме, то в суде по делам о банкротстве. Действительно, многие из них уже находятся на грани банкротства. Я знаю, что оптовики во многих случаях предавали их, не просто взвинчивая цены, но и внезапно прекращая обычные кредиты, и на прошлой неделе было проведено несколько мрачных бессонных ночей в маленьких спальнях из-за изолированных продуктовых магазинов. Хотя мы ожидаем, что синдицированные магазины

выполнят свой долг, крайне важно также, чтобы мы не допустили массового убийства мелких торговцев. Катастрофа, постигшая мелкого лавочника в настоящее время, не только бросит множество сломленных людей на общественные нужды, но и оставит брешь в обыденном обмене мнениями в экономике закоулков и деревень, которую будет нелегко исправить. Так что я предлагаю, чтобы реквизированные запасы у опережающих оптовиков — большая часть таких продуктов питания уже должна быть в руках властей — продавались в первую очередь по оптовым ценам отдельным владельцам магазинов, а не напрямую населению. Только в случае невыполнения служебных обязанностей на местном уровне следует действовать прямым курсом.

Следует помнить, что весь нынешний стресс из-за еды - это искусственный стресс, вызванный неистовым эгоизмом вульгарно мыслящих преуспевающих людей и низкой хитростью совершенно исключительных торговцев. Но в странных, сложных и бесплановых условиях сегодняшнего дня довольно много людей могут начать спешить и оказывать почти непреодолимое давление. Большинство людей, которые копили и упреждали, вероятно, делали это очень неохотно, потому что “это сделают другие”. Они приветствовали бы любое авторитетное действие, которое позволило бы им извергнуть, не чувствуя, что кто-то другой немедленно заберет то, от чего они отказались и получит от этого выгоду. Именно по этой причине мы должны немедленно организовать реквизицию запасов и зарезервированных товаров. Простая угроза, вероятно, приведет к значительному ослаблению напряженности, но угроза должна быть приведена в исполнение до такой степени, чтобы все было готово как можно скорее для изъятия, продажи и распространения. Пока это не будет сделано, продовольственный кризис будет нарастать и ослабевать, но он не прекратится; если мы не осуществим инициативы мистера Рансимена с определенной суровой оперативностью, продовольственные проблемы будут представлять собой периодическую изнуряющую лихорадку в политическом организме до конца войны.

И дело не закончится по окончании войны. Терпение простых людей было поразительным. В бесчисленных домах, должно быть, царили сильнейшее беспокойство и нищета. Но за исключением нескольких тривиальных скандалов, таких как разбитие окон мистера Мосса в Хитчине, который, вероятно, ни в чем не был виноват, нападение на какую-то пекарню и не очень плохое поведение в виде угроз и демонстраций со стороны евреев Ист-Энда, беспорядков вообще не было. Это потому, что люди полны первой торжественности войны, жадно доверяют друг другу и все еще хорошо питаются.

В конце концов, если более преуспевающие люди не возьмут себя в руки, все будет по-другому.

IV

ОТНОСИТЕЛЬНО МИСТЕРА МАКСИМИЛИАНА КРАФТА

Я с энтузиазмом отношусь к этой войне против прусского милитаризма. Я верю, что мы помогаем положить конец обширному, невыносимому угнетению цивилизации. Мы боремся за

освобождение Германии и всего мира от суеверия, что жестокость и цинизм - методы достижения успеха, что империализм лучше свободного гражданства, а призывники - лучшие солдаты, чем свободные люди.

И я нахожу другого писателя, который также, как он заявляет, патриотично настроен по-британски. Действительно, он размахивает британским флагом до такой степени, что моя природная скромность отступает. Потому что, как вы видите, я англичанин и ирландец, и, если не считать Андреевского креста, этот флаг мой. Размахивать им, я чувствую, было бы просто вульгарным самоутверждением. Он, однако, не англичанин. Он носит множество имен, и некоторые из них довольно милые староанглийские. Но его любимое имя Крафт, Максимилиан Крафт — и, как я понимаю, он родился Крафтом. Он вмешивается в дела этой страны с необычайной энергией; он завладевает моим Юнион Джеком, как будто Святой Георгий был его отцом. В настоящее время он очень активно консультирует меня, как вести эту войну, и точно говорит мне, что я должен думать по этому поводу. Фактически, он является английским эквивалентом тех профессоров Мировой политики, которые привели немецкий разум к нынешнему великолепному проявлению проницательного, триумфального государственного управления. Я подозреваю, что он состоит в дальнем родстве с профессором Дельбрюком. И сейчас он привлекает наше внимание к великолепному *уперевороту*, с которым я вскоре разберусь.

По внешнему виду Крафт ни в коем случае не является полностью англизированным человеком. Это крупнолицее существо с огромными удлинёнными чертами лица и лохматой головой; он плотного телосложения, со слегка сгорбленной спиной; он слегка шепелявит, и его манеры либо дерзко-презрительные, либо агрессивно-фамильярные. Он считает, что все прирожденные англичане, в отличие от натурализованных англичан, тоже прирожденные дураки. В его манерах всегда сквозит легкий привкус удивления по поводу прирожденной глупости прирожденных англичан. Но он считает их Империю чудесной случайностью, замечательной возможностью — для более умных людей.

Таким образом, с какой-то бескорыстной энергией он делал все возможное, чтобы воспитать англичан в соответствии с их имперскими возможностями, показать им, как превратить удачу в хитрость, превзойти любую другую породу и быть первым в мире. Он не может понять, что английская кровь не горит подобными амбициями. Когда у него есть богатство, это в его натуре - продемонстрировать его вцепочках для часов, запонках и перстнях с печатками; если бы у него была жена, она сверкала бы бриллиантами; мебель в его квартире удивительно “хороша”, все отборные английские изделия, и ей цены нет; он думает, что просто тупость и убожество духа пренебрегают этими вещами. Он приехал в Англию, чтобы обучать нас искусству Империи, когда обнаружил, что в немецких университетах уже имеется избыток знаний такого рода. В течение многих лет, вплоть до нынешней вспышки, я следил за его карьерой скорее с молчаливым интересом, чем с симпатией. И первое, чему он взялся нас учить, насколько я помню, была тарифная реформа, “обложение налогом иностранцев”. Вы получаете безграничное богатство, ничего не платя. Вы получаете огромный национальный доход от импортируемых товаров, а также, поскольку ваш тариф предотвращает импорт, вы развиваете огромную внутреннюю торговлю. Две птицы (в совершенно противоположных направлениях) одним камнем. Ему это казалось простым здравым смыслом. Во всяком случае, он был уверен, что это достаточно хорошо для прирожденного англичанина....

Он все еще немного сомневается в нашем отказе принять эту восхитительную идею. Между тем, такие, как он, в целом доминируют в более послушной немецкой разведке. Они прислушались к шепоту Welt Politik, или, по крайней мере, их правители прислушались; они посеяли раздражение на каждой границе, взяли стену, совершили все демонстративно агрессивные и успешные действия. Это были ученики, которых он должен был учить. Люди одновременно обучаемые и энергичные. Почти со слезами на глазах Крафт попросил нас отметить этот славный прогресс некогда философствующего, цивилизованного и доброго народа. И действительно, нам приходилось отмечать это и полировать наше оружие, и с растущим негодованием приобретать все больше и больше оружия, и держать порох сухим, в то время как мы были бы гораздо больше заняты другими вещами.

Но, что удивительно, мы не захотели прислушаться к его предложению о всеобщей воинской повинности. Крафт и ему подобные верят в цифры. Даже англо-бурская война не смогла поколебать его природных способностей к политической арифметике. Он попытался донести до нас ситуацию с помощью диаграмм, показав нам огромные цифры, колоссальных солдат, представляющих немецкие войска, и крошечных британских человечков, меньших, чем численность армии Болгарии и Сербии. Он не понимает, что на поле битвы может быть слишком много солдат; с таким же успехом он мог бы поверить, что у человека может быть слишком много денег. И поэтому он считает, что армия России *должна* быть более мощной, чем французская. Когда я отрицаю это превосходство — а я так и делаю, — он просто отмечает тот факт, что я не умею считать.

И когда дело доходит до военных планов, на Крафта обрушивается своего рода бред хитрости. Он полон приемов, которые мы, бедные дураки, не в состоянии изобрести; внезапные нападения без объявления войны, обширные схемы шпионских систем и маскировки под убийц, запугивание страны массовым расстрелом нецивилизованных некомбатантов, нарушения нейтралитета, национальные предательства, подложные депеши, поддельные письма, дипломатическая ложь, совершенная всемирная организация Супер-проныр. Наш бедный кузен, немец Михаэль, слишком кротко прислушался к такой мудрости. Бедный Майкл, с его честными голубыми глазами, в которых светилось удивление, изо всех сил старался быть настоящим дьяволом и идти туда, куда вел его двоюродный брат Крафта, Бернхарди, военный “эксперт”. (До сих пор это приводило его во рвы Льежа и ущелья Арденн, к большому количеству голода, грязи и крови.) И Крафт с невыносимой завистью наблюдал за ложью и травлей Берлина, за тем, что он был настоящим Суперменом Мировой политики. Он говорил, писал, умолял нас поступить так же, нанести внезапный удар по германскому флоту до объявления войны, нарушить нейтралитет Дании, захватить Голландию, совершить что-то национально бесчестное и позорное. Ежедневно он возмущался нашими методами приготовления молока и воды. Временами мы казались ему скорее Вудро Уилсонами, чем разумными людьми.

И он все еще этим занимается.

Всего несколько дней назад я взял в руки документ, который, наконец, подтолкнул меня к очень простым заявлениям, содержащимся в этой статье. Это была английская ежедневная газета, и Крафт, как обычно, с своим обычным отчаянием от осознания нашей глупости рассказывал нам, как вести эту войну. И вот что он сказал — мы должны уморить Германию голодом — не понимая, что с ее перегруженными железными дорогами и уничтоженным урожаем Германия может

очень быстро сама умереть от голода, и что, если мы не предотвратим это, продовольствие будет поступать в Германию через Голландию и Италию. Поэтому он хочет, чтобы мы немедленно начали враждебную блокаду Голландии и Италии, или, что еще лучше, возможно, немедленно направить каждой из этих невинных и дружественных стран ультиматум. Он хочет, чтобы это было сделано немедленно, потому что в противном случае берлинские крафты, какой-нибудь Дельбрюк или Бернхарди, или этот вопиющий молодой государственный деятель, кронпринц, могут убедить пруссаков первыми выдвинуть свой ультиматум. Тогда у нас вообще не было бы шансов совершить какой-либо международный идиотизм, если, возможно, мы не захватили бы порт в Норвегии. Поразмыслив, он приходит к выводу, что было бы неплохо захватить порт в Норвегии.

Теперь давайте, англичане, раз и навсегда разъясним Крафтам и другим родственным им патристическим джентльменам из-за границы, которые показывают нам действительно хитрый способ ведения дел, что это не наш способ ведения дел. В эту войну мы вступили с чистыми руками — чтобы навсегда покончить с господством жестокого и коварного интернационализма. На наших сердцах тяжесть от стоящей перед нами задачи, но наши намерения мрачны. Мы намерены победить. Мы готовы к любым бедствиям, к невыносимым стрессам, к банкротству, к голоду, к чему угодно, только не к поражению. Теперь, когда мы начали сражаться, мы будем сражаться, если потребуется, до тех пор, пока дети не умрут от голода в наших домах, мы будем сражаться, даже если каждый наш корабль окажется на дне моря. Мы намерены вести эту войну до самого конца, и этот конец, как мы абсолютно уверены, должен стать концом крафтизма в мире. И мы выйдем из этой войны с такими же чистыми руками, как сейчас, незапятнанными никакими грязными трюками на поле боя или в зале совета, с соблюдением нейтралитета и соблюдением договоров. Тогда мы посчитаемся раз и навсегда с Крафтом и с его друзьями и сторонниками, частными торговцами оружием, и со всем этим чудовищным, глупым выводком злодеев, которые навлекли на мир эту масштабную катастрофу.

Я говорю это прямо сейчас для себя и для тысяч молчаливых простых людей, потому что чем скорее Крафт поймет, как мы относимся к этому вопросу, тем лучше для него. Временами он демонстрирует поразительную убежденность в том, что при окончательном урегулировании дел он станет для нас бесценным. Он знает, что блистает в дипломатии. Тогда пригодится шепелявый шепот и нарочитая наглость. Закончи драку, а потом предоставь это ему. Он действительно верит, что прирожденный англичанин справится. Он ни в малейшей степени не понимает тихой страсти на наших улицах. Никогда в Англии не было меньше криков и демонстраций, и никогда Англия не была так спокойно настроена. Эта война не закончится дипломатией; она положит конец дипломатии. Это война совершенно иного рода, чем все, что было до нее. В конце концов, вообще не будет Конференции Европы по старым правилам, а будет Конференция мира. Это будет конференция, над которой Крафт посмеется. Он будет бегать повсюду, пугая людей по этому поводу; почти плюя им в лицо своим насмешливым шепотом. Он будет вести свои дела со скандальной оглаской и нарочитой простотой. Это будет хуже, чем Вудро Вильсон. И это приведет к миру, который навсегда положит конец Крафту, духу крафтизма и стоящих за ним частных оружейных фирм.

При этих словах я представляю, как голова Крафта втягивается в плечи, а его большие руки расправляются, как крылья херувима. “Англичане! Либералы! Дураки! Неизлечимо! Как такое может быть? Так дела не делаются”.

Вот как это будет сделано, если мы вообще хотим, чтобы в этом мире стоило жить после этой войны. Когда мы сражаемся с Берлином, Крафт, мы сражаемся с *тобой*.... Тебе конец. ДА.

V САМЫЕ НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ В МИРЕ

В этом крушении империй и дипломатии, в этой полной катастрофе международной политики некоторые вещи, которые еще несколько недель назад казались бы смехотворно утопичными, внезапно стали разумными и практически осуществимыми. Одна из них, вещь, которая казалась бы фантастической до того самого момента, когда мы вступили в спор с Германией, и которая теперь может рассматриваться как трезвая возможность, - это абсолютное запрещение во всем мире производства оружия для получения личной выгоды. Что бы ни говорилось о практической возможности национального разоружения, не может быть никаких сомнений не только в возможности, но и в высшей необходимости навсегда покончить с днями частной наживы на орудиях смерти. Это настоящий враг. Это зло в самом центре этой проблемы.

В самой сердцевине всего этого зла, которое наконец вылилось в мировую катастрофу, лежит этот крупизм, эта грязная колоссальная торговля орудиями смерти. Это самая близкая, самая гигантская организация в мире. Раз за разом этот огромный бизнес с его покупаемыми газетами, его платными шпионами, его агентами, его акционерами, его безумными сторонниками, его обширным разветвлением открытых и скрытых партнеров сводил на нет попытки умиротворения, нагромождал кучу взрывоопасных материалов все выше и выше — кучу, которая, наконец, вылилась в этот кровавый хаос в Бельгии, в котором жизни четырех великих наций сейчас разрываются, мучаются, убиваются и тратятся впустую без счета, без воображения. Я не осмеливаюсь представить это, думая сейчас о том, кто может прочесть.

До тех пор, пока сохранялся нестабильный мир, до тех пор, пока император Германии, концерн Круппа и тщеславие Пруссии держались вместе, угрожая миру во всем мире, но не нападая на него, до тех пор, пока можно было мечтать о том, чтобы предотвратить катастрофу и спасти жизни, до тех пор было невозможно довести это дело до конца или даже прямо предложить довести это дело до конца. Все еще можно было утверждать, что быть готовым к войне - это способ сохранить мир. Но теперь все знают лучше. Война началась. Подготовка взорвалась. Возмутительный грабеж перешел в возмутительное кровопролитие. Вся Европа восстает против этой порочной системы. Теперь пути назад к миру нет; наши люди должны умирать кучами, тысячами; мы не можем обманывать себя мечтами о легких победах; мы все должны испытывать бесконечные страдания и тревоги; едва ли найдется хоть одно человеческое дело, которое не было бы омрачено этой войной. Из всего этого должно вырасти одно универсальное решение: это беззаконие должно быть вырвано с корнем. Какие бы безумства ни ждали человечество впереди, по крайней мере, этому безумию должен быть положен конец. Не должно быть больше купли-продажи оружия, военных кораблей и боевых машин. Не должно быть больше выигрыша в оружии. Короли и кайзеры должны перестать быть коммерсантами чудовищных концернов по производству вооружений. С помощью "*Гебена*" кайзер совершил свою последнюю продажу.

Какое бы оружие, по мнению наций, им ни понадобилось, они должны производить для себя и раздавать своим подданным. Кроме этого, на земле не должно быть производства оружия.

Это самый ясный здравый смысл. Мне не нужно доказывать то, что очевидно, что знает каждый немец, что знает каждый умный образованный человек в мире. Концерн Круппа и безвкусный империализм Берлина связаны, как вор и получатель; руки немецких принцев запачканы этой торговлей. Эти огромные фирмы обращались к государственным деятелям и членам королевской семьи по всему миру, прикасались к ним и порочили их, но именно в Берлине сосредоточилась коррупция, именно из Берлина исходило невыносимое давление вооружаться и продолжает вооружаться, только в Берлине зло можно победить. До этого добраться до него было невозможно. Бесполезно было даже мечтать о разоружении, пока эти люди все еще могли продолжать бесконтрольно выпускать свои материалы, ожидая момента национальной страсти, подпитывая национальное сознание страхами и подозрениями через свою субсидируемую прессу. Но теперь в мире появился новый дух. Больше нет страхов; самое страшное зло свершилось. Уродливая ненависть, подпитываемые ошибочные представления о вооруженном мире уже начинают уступать место взаимному уважению, жалости и разочарованию, вызванным катастрофической для всего мира войной. Наконец-то мы можем рассматривать Круппа и родственные фирмы по всему миру как одну общую проблему, одно доступное всему миру зло.

За пределами круга воюющих государств и государств, которые, подобно Дании, Италии, Румынии, Норвегии и Швеции, обязательно должны быть приглашены принять участие в окончательном переустройстве мировых дел, существуют только три системы Держав, которые необходимо учитывать в этом вопросе, а именно англоязычная и испаноязычная Республики Америка и Китай. Ни одно из этих государств глубоко не вовлечено в торговлю вооружениями, у некоторых из них есть все основания ненавидеть систему, которая связывает обязательство иметь дело с вооружениями с каждым кредитом. Соединенные Штаты Америки сейчас, как никогда, являются антимилитаристской державой, и не будет преувеличением сказать, что правительство Соединенных Штатов Америки имеет в своих руках право санкционировать или предотвратить эту самую насущную потребность человечества. Если народ Соединенных Штатов рассмотрит и усвоит этот грандиозный вопрос сейчас; если они примут решение сейчас, что в Америке или где-либо еще на земле не будет больше прибыли от сырья; если они решат использовать огромное моральное, финансовое и материальное влияние, которое Штаты смогут оказать в конце этой войны, в масштабах борьбы с выживанием крупнйизма, тогда станет возможным покончить с этой мерзкой промышленностью навсегда. Если из-за недостатка смелости или воображения они не возьмутся за это дело, то я боюсь, что это может быть сделано. Но я недооцениваю Соединенные Штаты, если, в конце концов, они воздерживаются от столь великолепной и благоприятной возможности.

Позвольте мне изложить это предложение предельно ясно. Все предприятия по производству военной техники во всем мире должны быть переданы правительству государства, в котором они существуют; каждый оружейный завод, каждый стрелковый завод, каждая верфь для строительства военных кораблей. Возможно, потребуется выплатить акционерам более или менее полную компенсацию; возможно, для этого потребуется выплата военного возмещения, но это вопрос деталей. Дело в повсеместном превращении производства оружия в государственную монополию, так что нигде не должно быть и намека на частную выгоду, которой можно было бы избежать. Тогда, и только тогда, станет возможным

организовать постепенный демонтаж этой индустрии, разрушающей человечество, и сокращение вооруженных сил мира до разумных размеров. Я бы отнес это подавление даже к ограничению производства и продажи всех видов оружия, револьверов и взрывчатых веществ. Они должны производиться только в государственных мастерских и продаваться только в государственных магазинах; в мире не должно быть ни одной винтовки, ни одного пистолета Браунинга, незарегистрированных и не поддающихся отслеживанию. Но это может быть советом к совершенству. Главное - всемирное пресечение этой отвратительной торговли большим военным снаряжением, военными кораблями и мощными орудиями.

Когда с этой коррупцией будет покончено, когда коммивояжера по продаже вооружений сбросят с задней лестницы, которую он преследовал так долго - и сбросили с такой силой, что он навсегда останется недееспособным, — станет возможным рассмотреть план установления мира во всем мире. Пока это не будет сделано, любой подобный план останется пустой мечтой. Но с ним покончено, путь открыт для ассоциации вооруженных наций, преисполненных решимости немедленно искоренять любые проявления агрессивной войны. Они не будут полностью разоруженными державами. Нет смысла разоружаться, пока какая-либо отдельная держава все еще влюблена в мечту о военной славе. Нет смысла разоружаться, пока вероятность военной лихорадки все еще витает в крови людей. Разведка всего мира должна следить за лихорадочными симптомами и готовиться к их ослаблению. Но после этой борьбы можно рассчитывать на миролюбивые намерения по крайней мере следующих государств: Британской империи, Франции, Италии и всех второстепенных государств севера и запада; Соединенные Штаты всегда были миролюбивой державой; Япония получила свой урок и слишком обнищала для серьезных военных действий; Китай никогда не был агрессивным; Германия также, если эта война не приведет к невыносимым оскорблениям и унижениям немецкого духа, будет больна войной. Испано- и португалоговорящие республики Америки слишком заняты материальным развитием, чтобы мечтать о войне в современном масштабе, и то же самое в настоящее время может быть верно в отношении греческой, латинской и славянской общин юго-восточной Европы, если, как я надеюсь и верю, эта война приведет к рациональному переустройству Австро-Венгерской империи. 1915 год действительно застанет этот мир странно укрощенным и разумным миром.

Есть только одна сомнительная страна, Россия, и, со своей стороны, я не верю в порочность и сомневаюсь в нынешней мощи этого колоссального варварского государства. Финляндия и возрождающееся Польское королевство, по крайней мере, будут иметь вес на стороне сторонников мира. Это действительно будет этап наивысших возможностей для установления мира. Если в людях найдется достаточно мужества и честности, я верю, что будет возможно создать всемирный совет по регулированию вооружений как естественный результат этой войны. Во-первых, торговля оружием должна быть полностью пресечена. И тогда следующей чрезвычайно важной мерой по обеспечению мира во всем мире является нейтрализация моря.

В силах Англии, Франции, России, Италии, Японии и Соединенных Штатов, если Германия и Австрия будут разбиты в этой войне, будет вообще запретить дальнейшее строительство каких-либо военных кораблей; убедить второстепенные державы продать свои военно-морские силы и, если потребуется, обязать их отказаться от выхода в море вооруженных кораблей, не находящихся под контролем конфедерации. Запуск вооруженного корабля может стать вторжением на общую территорию мира. Такая возможность будет открыта в 1915 году. Такая возможность будет оставаться открытой до тех пор, пока люди не оправятся от шока этого

конфликта. Когда об этом начнут забывать, это снова перестанет быть возможным — возможно, на сотни лет. Человеческий разум и честность уже умудрились сохранить великие американские озера и огромную канадскую границу безоружными на столетие. Воинственная глупость жаловалась на это, но она никогда не была достаточно сильной, чтобы нарушить это. То, что возможно в этом масштабе, возможно повсеместно, как только торговец оружием будет избавлен от неприятностей. И поскольку Объединенные Мирные державы удерживают моря и гарантируют всему человечеству мирную свободу морей, рассматривая перевозку вооруженных людей и военного имущества, за исключением перевозок между одной обособленной частью государства и другой, как контрабанду, и беспристрастно блокируя все воюющие стороны, те, кто лучше всех знает значение морской державы, лучше всего поймут уменьшение опасности обширных войн на суше.

Это не мечта. Это простой здравый смысл нынешней возможности.

Можно утверждать, что это преждевременная дискуссия, что исход этой войны все еще не определен. Но, действительно, в этой войне для Франции и Англии, во всяком случае, не может быть иного решения, кроме поражения Германии, отказа от германского милитаризма, уничтожения германского флота и создания такой возможности. Ничто иное не терпимо; мы должны продолжать борьбу на вымирание, а не смиряться с позорным миром в результате поражения или с каким-либо преждевременным урегулированием. Судьба мира при торжествующем пруссачестве и круппизме на следующие двести лет не стоит обсуждения. У этой войны нет иного мыслимого завершения, кроме покорности в Берлине. Сейчас перед нами нет другого разумного пути, кроме как отдать все наши силы победе и утверждению победы. Концом должна быть победа или наше бесславие. О том, что произойдет после нашего уничтожения, должны подумать немцы.

Война, которая лишь немного побьет Германию и восстановит ненавистную напряженность последних сорока лет, не стоит того, чтобы ее вести. Как итог всех наших усилий, это будет почти так же невыносимо, как поражение. И все же, если сейчас не будет сформирован и обнародован свод определенных идей, все может случиться именно так. И поэтому сейчас, пока еще есть время, либерализм Франции и Англии должен высказаться прямо и обратиться к либерализму всего мира с призывом не участвовать в нашей войне, а разделять великие цели, ради которых мы с такой радостью ведем эту войну. Ибо, действительно, достаточно мрачно Англия, Франция, Бельгия и Россия рады этому дню. Эпоха вооруженных тревог закончилась. Что бы ни случилось, этому должен быть конец. И нет иного способа положить этому конец, кроме как посредством этих двух взаимосвязанных решений - отмены круппизма и нейтрализации моря.

VI

НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ НОВОЙ КАРТЫ ЕВРОПЫ

На момент написания статьи война длилась не так уж много дней, надвигаются великие сражения как на суше, так и на море, и все же я обнаруживаю, что мое непоколебимое предположение о том, что пруссачество, бернардинизм, вся теория и практика Германской империи - это прогнившая и осужденная вещь, уже укрепилось до абсолютной убежденности. Могут произойти непредвиденные происшествия. Я ничего не говорю о море, но общий и конечный результат кажется мне сейчас таким же несомненным, как завтрашний восход солнца. Я не знаю, сколько боины предстоит учинить Европе, прежде чем Германия поймет, что ею руководят дураки и она отравлена дураками. Я не знаю, как долго чванливый прусский офицер сможет вести своих собравшихся людей на бойню, прежде чем они взбунтуются против него, и я не знаю, насколько раздутое тщеславие Берлина предусмотрело поражение. Германия, находящаяся в обороне, насколько мы можем судить, может оказаться очень упрямой штукой, а сила России может быть переоценена, и я думаю, что так оно и есть. Все это может отсрочить, но это не изменит окончательной демонстрации того, что пруссачество, как так удивительно предсказал м-р Беллок, получило смертельную рану при первом натиске перед окопами Льежа. Мы начинаем новый период истории.

Это не Германия потерпела поражение; Германия все еще непокоренная страна. Действительно, теперь это освобожденная страна. Это страна, славная в истории и со славным будущим. Но никогда больше после окончания этой войны она не будет маршировать под крики прусского сержанта-строевика и стремиться выставить себя хулиганом перед всем миром. Легенда о Пруссии разрушена. Ее привлекательность заключалась в одном грубом критерии - успехе, и она потерпела неудачу. Никогда больше суровость Берлина не затмит великую и дружественную цивилизацию Южной и Западной Германии. Задача, стоящая перед вооруженным миром, состоит в том, чтобы стереть берлинскую лазурь с жизни и духа человечества.

Ни одна европейская держава по-настоящему не ссорится с Германией. Наша ссора - с Германской империей, не с народом, а с идеей. Давайте во всем последующем четко помнить об этом. Возможно, что отпор немцев под Льежом был лишь началом катастрофы Германии, такой же масштабной, как катастрофа Франции в 1871 году. Возможно, у Германии нет второго плана, если ее первый план провалится; что она развалится на куски после своего первого поражения. Мне кажется, что это так - я рискую пророчеством и хотел бы, чтобы мы приготовились к искушениям победы. И поэтому для начала давайте, приверженцы либеральной веры, заявим о нашем твердом, неизменном убеждении, что будет грехом расчленить Германию или позволить любой немецкоговорящей и чувствующей себя немкой территории попасть под иностранное иго. Давайте, англичане, позаботимся о себе в этом вопросе. Могут быть восстановлены чужие территории — польские, французские, датские, итальянские, но мы уже достаточно насмотрелись на расовое порабощение, чтобы быть уверенными, что больше не потерпим этого. От Рейна до Восточной Пруссии и от Прибалтики до южных пределов немецкоязычной Австрии немцы - единый народ. Давайте начнем с решения не допустить возникновения новой горечи по поводу “завоеванных территорий”, которая могла бы нарушить будущий мир в Европе. Давайте позаботимся о том, чтобы в конечном итоге немцы, каким бы великим ни было их свержение, все остались свободными людьми.

Когда пруссаки вторглись в Люксембург, они разорвали карту Европы. Для перерисовки этой карты потребуются тысячи сложных сил. В бизнесе будет много попыток перегнуть палку и много жадности. Немногие придут на переговоры с простыми намерениями. В споре могут произойти всевозможные уродливые и глупые вещи. Нам, англичанам, надлежит разобраться в этом вопросе, посоветоваться с самими собой и определить, что справедливо; нам, которые во многих отношениях оторваны от национальных страстей Континента и независимы от них, надлежит не хитрить или заниматься политикой, а выработать как можно более единодушную цель сейчас, чтобы мы могли довести эту войну до конца с ясным представлением о ее конце и использовать все наши силы для установления прочного мира в Европе. Это означает, что мы должны заново нарисовать карту, чтобы, насколько мы можем видеть в будущем, у нас, западных стран, было как можно меньше поводов для войны. Это означает, что мы должны перерисовать его справедливо. И очень широко.

Разве это невыполнимое предложение? Думаю, что нет. Действительно, существуют такие вещи, как границы, не вызывающие раздражения. Посмотрите на границы Канады. Определенные границы существуют в Европе уже большую часть ста лет и с каждым годом становятся все менее подверженными нарушениям. Никто, например, не хочет применять силу для корректировки взаимных границ в Европе Голландии, Бельгии, Франции, Испании, Португалии и Италии, и ни одна из этих держав не желает сейчас приобретать иностранные владения какой-либо другой страны группы. Это державы, постоянно пребывающие в мире. Не удастся ли сейчас провести столь радикальную реорганизацию, чтобы обеспечить такое же практическое согласие между всеми европейскими державами? Разве эта война не является той венцом возможностей? Мне кажется, что в этом вопросе нам надлежит сформировать мнение, достаточно здравое и определенное, чтобы противостоять внезапным импульсам воинственного триумфа и отвергнуть тайные советы дипломатии. Это необходимо сделать немедленно. Давайте решим, за что мы будем продолжать борьбу, и давайте обеспечим это и урегулируем. Это не абстрактно интересное занятие; теперь долг каждого гражданина Англии - изучить эту проблему карты Европы, чтобы мы могли навсегда положить конец этой темной игре заговоров, тайных соглашений и синтетических схем-ловушек, которая растратила силы цивилизации (и склотила состояние семьи Крупп) за последние сорок лет. Сейчас мы боремся за новую карту Европы, если мы вообще за что-то боремся. Я мог представить себе эту новую карту Европы так, как если бы это был флаг союзников, которые сейчас готовятся оттеснить немцев на их территорию.

Во-первых, я предлагаю, чтобы Франция вернула Лотарингию и чтобы Люксембург был связан более тесным союзом с Бельгией. Эльзасу, как мне кажется, следует предоставить выбор между Францией и вхождением в Швейцарскую Конфедерацию. Возможно, он выберет Францию. Дании следует снова вернуть отчетливо датскую часть ее утраченных провинций. Триест и Трент, и, возможно, также Пола, должны быть возвращены Италии. Это воссоединит несколько разрозненных фрагментов народов с их более близкими по духу партнерами. Но это незначительные изменения по сравнению с новыми событиями, которые сейчас в той или иной форме неизбежны на Востоке Европы, и ради них мы должны напрячь свое воображение, если хотим, чтобы эта масштабная война и потеря людей закончились прочным миром. Распад Австрийской империи висел над Европой как проклятие в течение сорока лет. Давайте разрушим ее сейчас и покончим с этим. Что станет с негерманскими регионами Австро-Венгрии? А что должно произойти на польской границе с Россией?

Итак, во-первых, я бы предложил воссоединить три осколка Польши и короновать российского царя королем Польши. Я предлагаю тогда определить это как наше национальное намерение, что мы используем все либерализующее влияние, которое эта нынешняя война даст нам в России с этой целью. И, во-вторых, я предлагаю, чтобы мы поставили перед собой в качестве нашей политики объединение той большей Румынии, которая включает Трансильванию, и объединение в конфедерацию швейцарского типа всех сербских и квазисербских провинций Австрийской империи. Давайте, в качестве цены, которую большая Сербия заплатит за свое единство, потребуем возвращения Болгарии любых болгароязычных районов, которые сейчас находятся под властью Сербии; давайте спасем Скутари от беззакония черногорской оккупации и попытаемся создать еще одну швейцарскую конфедерацию из оставшихся чешских, славянских и венгерских осколков. Я убежден, что пришло время заменить дискредитированные империализмы и королевства, которые так долго делали Европунестабильной, швейцарскими ассоциациями. Каждый император и каждый король, как мы теперь понимаем, означают национальные амбиции, более органичные, концентрированные и опасные, чем это возможно в республиканских условиях. Наша собственная монархия - единственное исключение, подтверждающее это правило. Нет никаких причин, по которым мы должны множить эти центры агрессии.

Вероятно, ни Болгария, ни Сербия не стали бы слишком остро скучать по своим королям, и в любом случае, я не вижу никакой необходимости в новых этих раздражающих прыщах честолюбия на прекрасном лице мира. Давайте перестанем давать неудобоваримых принцев новым государствам, которые мы швейцаризируем. Албания, в частности, с ее разнообразными племенами, безусловно, не нуждается в монархии, и предложение о ее создании в виде конфедерации небольших племенных кантонов - единственное, которое я когда-либо слышал, которое, казалось, содержало луч надежды для этого отвлеченного клочка земли. Конечно, нет причин, по которым Италия должна эксплуатировать этих людей, поскольку Италия может претендовать на более законное вознаграждение. Там, в абзаце, представлен набросок карты Европы, которая может появиться в результате нынешней борьбы. Это мое личное представление о нашей цели в этой войне.

Совершенно очевидно, что во всех этих вопросах я довольно невежественный человек. Совершенно очевидно, что это грубая чушь. И я допускаю определенное чувство самонадеянной абсурдности, когда сижу здесь перед картой Европы, как мясник перед уткой, и отрываю кусочек здесь и решаю, какой отрезать там. Тем не менее, это то, что должен делать каждый из нас. Я намерен продолжать перерисовывать карту Европы с каждым интеллигентным человеком, которого я встречаю. Мы все более или менее невежественны; это прискорбно, но это не меняет того факта, что мы не можем избежать ни решений, ни пассивного молчаливого согласия в этих вопросах. Если мы не сделаем все возможное, чтобы понять новую карту, если мы не примем никаких решений, тогда произойдут еще более грубые вещи; Европа столкнется с новыми уродливыми осложнениями и подготовит еще более колоссальный Армагеддон, чем тот, который происходит сейчас. Надеюсь, после этой войны никто не предложит, чтобы мы по-прежнему оставляли все на усмотрение дипломатов. И все же альтернатива вам и мне - дипломатия. Если вы хотите увидеть, куда дипломатия и мировоззрение привели Европу после сорока лет тревог и вооружений, вы должны отправиться и заглянуть в канавы Льежа. Эти кровавые кучи - всего лишь первые образцы урожая. Единственная альтернатива дипломатии - откровенный интеллект, ваш, мой и каждого красноречивого человека. Мы все должны предпринять это перекройку карты Европы в меру наших сил и возможностей. То, что наши

силы и возможности, к сожалению, не очень значительны, не освобождает нас от ответственности. Мы должны обеспечить прочное урегулирование всех европейских границ, если сможем. Если мы, простые интеллигентные люди в целом, не обеспечим этого, этого не сделает никто.

Если у нас нет намерений относительно карты Европы, мы скоро будем продолжать войну ни за что в частности. Прусский дух сломлен безвозвратно, и северное побережье Франции и целостность Бельгии спасены. Все сражения, которые еще впереди, будут лишь подтверждением и развитием этого. Если у нас нет дальнейшего плана, наша задача подошла к концу. Если это все, мы можем сейчас со спокойной совестью отойти в сторону и наблюдать, как более медленная война тянется к злему концу. Предоставленная самой себе победоносная Россия с гораздо большей вероятностью захватит Восточную Пруссию и примется за русизацию ее жителей, чем рискует вызвать несварение желудка у еще большего числа поляков; Италия может вторгнуться в Албанию и начать новый конфликт с Сербией; возможно даже, что Франция может оказаться неблагодарной. У нее будет веское оправдание для того, чтобы быть неблагодарной. Тем временем немецкоязычное население в половине провинций Австро-Венгрии окажется под властью, а не верховных псов; озорные маленькие корольки с канцлерами, завершенными национальной политикой и амбициями будут подниматься, колебаться и падать на этой скользкой почве, а окровавленная и озлобленная Германия, постоянно уязвленная протестами своих подданных-сородичей, мрачно сядет выращивать новое поколение солдат и готовиться к своей мести

Вот почему я думаю, что мы, либеральные англичане, должны нарисовать нашу новую карту Европы сейчас, сначала на бумаге, а затем на лице земли.

Мы должны нарисовать эту карту сейчас, распространить ее идею, сделать ее нашей национальной целью и призвать на помощь интеллект и совесть Соединенных Штатов, Франции и Скандинавии. Открыто и недвусмысленно мы должны обсудить, принять решение и рассказать миру, что мы намерены делать. Царство жестокости, цинизма и скрытного предательства в Европе разрушено. Над руинами прусской войны Господство, разум, общественное мнение, справедливость, международная добросовестность и благие намерения смогут свободно вернуться и вершить судьбы людей. Но дела не будут ждать разума и справедливости, если у справедливых и разумных людей не будет ни энергии, ни единства.

VII ВОЗМОЖНОСТИ ЛИБЕРАЛИЗМА

Наконец-то появилась возможность для либерализма, ошеломляющая возможность. Эпоха милитаризма стремительно приближается к своей неизбежной и все же удивительной кульминации. Великая империя солдат, созданная для войны, которая доминировала в Европе в течение сорока лет, вырвала себя с корнем и бросилась в борьбу, для которой она была создана. Победит она или проиграет, она никогда не вернет себя назад. Вся Европа, следуя

этому примеру, становится полем для войны. Хорошими урожаями пренебрегают, фабрики простаивают, тонкая, неуверенная струйка бумажных денег заменяет звенящий поток торговли; что бы ни случилось, поражение или тупик, капиталистическая военная цивилизация искореняет саму себя и приходит к концу. Война может разгореться быстрее, чем думают те, кто осознает ее неизбежность, но сама война - это просто разгром всего сущего. Реальность - это вырванный с корнем, неизлечимый вывих.

Попытка нанести на карту и измерить это смещение скорее похожа на первую попытку мыслить на расстояниях до солнца. Это значит перенести свой разум на новый и ошеломляющий уровень. Никогда еще время не несло с собой такого стремительного груза перемен, как в этот раз. Очевидно, что примерно через год мир людей изменится больше, чем он изменился за последние полтора столетия, более того, больше, чем он когда-либо изменялся до этих последних столетий с начала истории. Подумайте о простом географическом смещении. В Европе едва ли найдется страна, которая не выйдет из этой борьбы с совершенно новыми границами, суверенные державы исчезнут с карты, придут новые суверенные державы. В тех беспорядках, которые нас окружают, и для которых эта война сама по себе является лишь предварительной фазой, неизбежно должно произойти социальное переустройство. Кто может в этом сомневаться? Кто может сомневаться в происходящем разрушении доверия и привычки? Вы ясно видите приближение голода — во Франции, в Германии, в России. Неужели кто-нибудь думает, что эти притворно эффективные немцы полностью продумали уход и кормление безумно раздутых полчищ, которые они бросили на Францию? Кому-нибудь снится, что они рассчитали остановку? Кто-нибудь воображает, что их санитарные условия идеальны? Начнется эпидемия. И можно ли поверить, что, какие бы подвиги финансовой фантастики мы ни придумали, их финансовый крах можно предотвратить, и что банкиры Гамбурга и Франкфурта, вероятно, будут добывать золото лопатами в январе следующего года во все еще методичном мире? Немецкая государственная машина, вероятно, уже сделала все, для чего ее когда-либо заставляли. Сейчас она стоит истощенная среди суматохи своих последствий. Говорят, что ее мобилизационные мероприятия были удивительно полными. Десять миллионов человек "за" и "против" были задействованы в боевых действиях - с боеприпасами. Прусская Германия выполнила свои договоренности и передала дело Готту. Немецкая предусмотрительность исчерпала себя. Если Gott подведет Германию, я не верю, что Германия имеет хоть малейшее представление о том, что делать дальше. По большей части эти миллионы никогда больше не вернутся домой. Они, конечно, никогда больше не вернутся к своей работе, потому что она исчезнет.

Когда я думаю о том, что европейские государственные деятели в настоящее время пытаются вернуть все эти вещи обратно, мне вспоминается история о друге, сосед которого пытался перерезать себе горло, а затем раскаялся. Он подошел к ней с полотенцем на шее, издавая странные звуки. Для нее это был неприятный, но просветляющий опыт. Она была отважной и находчивой женщиной и делала все, что в ее силах. "Этого было так много", - сказала она. "Я и понятия не имела, что в нас все так плотно упаковано".

Характерно для таких времен, как это, что многое в мире, и, в особенности, многое в умах людей, многое, что казалось таким же несокрушимым, как горы, и укоренившимся так же глубоко, как море, волшебным образом теряет свою прочность, блекнет, меняется, исчезает. Месяц назад, когда смотрели на карту Европы, большинство линий ее границ казались почти такими же стабильными, как береговая линия. Теперь они колеблются на глазах. Когда кто-то

думал о наследии наследного принца Германии, оно казалось незыблемым, как созвездие, и теперь, через некоторое время, оно может стоять так же мало, как окровавленная тряпка в окопах Льежа. Как в мелочах, так и в великом, человек внезапно сталкивается с невообразимой нестабильностью. Реформ-клуб, который на протяжении многих лет был для меня веселым и освежающим ручейком золота, теперь неохотно выдает мне в обмен на мой чек две невразумительные фунтовые банкноты. Другой мой клуб вообще отказался от доброго обычая обналичивать чеки. Рад, что бедняга Бейджхот не дожил до этого дня. Теперь я каждый день удивляюсь, просыпаясь и обнаруживая, что у меня все еще есть банкир.... И я также понимаю, что если сейчас мой банкир растворится в остальном этом растворяющемся мире — что месяц назад я бы счел невыносимым бедствием, — я буду смеяться и идти дальше.... Идеи, которые правили жизнью, как если бы они были божественными истинами, преследуются и уничтожаются на улицах. Например, права собственности, незыблемые добродетели индивидуализма, всяческая терпимость к вознаграждениям за воздержание внезапно исчезли на прошлой неделе среди проклятий человечества в адрес спешащего автомобиля, груженного упаковками сахара и муки. Они сбежали, оставив социализм и коллективизм во власти. Государство забирает мукомольные заводы и поставки продовольствия не только для военных целей, но и для общего благосостояния общества. Государство контролирует железные дороги, внезапно полностью игнорируя акционеров. Нет даже письма в *Times* с возражениями. Если государство сочтет нужным сохранить свою власть над этими вещами навсегда или ослабит ее только для того, чтобы усилить свою хватку, я сомневаюсь, что в умах людей осталось что-то еще, даже после простой предварительной зачистки за последние две недели, чтобы оспаривать владение. Общество, каким мы знали его год назад, действительно уже распалось; оно утратило всякую реальную сплоченность; только отсутствие какого-либо притяжения в других местах удерживает нас вместе. Мы сохраняем наши относительные позиции, потому что здесь некуда бежать. Ошеломленные, изумленные люди заполняют улицы; и мы говорим о национальном спокойствии. Более умные люди, выброшенные с работы, направляются в вербовочные пункты, потому что им больше нечего делать; мы говорим о великолепном отклике на призыв лорда Китченера. Все предлагают услуги. Каждый ищет кого-то, кто скажет ему, что делать. Это не организация; это первая фаза распада.

Сейчас я не пишу пророчеств и не “демонстрирую воображение”. Я просто изо всех сил иду рядом с марширующими фактами и указываю на них. Институты и условности рушатся вокруг нас и высвобождают для беспрецедентной силы два вида бунтарей, которые в обычное время подавляются, - волю и идеи.

Характер нового века, который должен проявиться в результате катастроф этой эпохи, не будет механическим следствием действий неодоливых сил. Воля и идеи будут играть большую роль в этом *водоворотесобытий*, чем они играли даже в любом предыдущем крахе. Без сомнения, масса человечества по-прежнему будет плыть по воле случая, но стремление к новому миру определенного характера будет силой, и если оно будет достаточно единодушным, оно может даже стать направляющей силой в формировании нового времени. Обычный человек и низменные люди напуганы до покорности. Правители, напыщенные личности, обструктивисты внезапно становятся извиняющимися, услужливыми, просят о помощи. Это время неисчислимой пластичности. Для людей, которые знают, чего они хотят, этот момент настал. Это высшая возможность, проверка или осуждение конструктивной либеральной мысли в мире.

Итак, что же намеревается делать либерализм? Против либерализма всегда выдвигались обвинения в том, что он придиристо критичен, неорганизован, рассеян, непрактичен, капризен, готов скорее “уйти в отставку” и “взбунтоваться”, чем помогать. Это распространенное оправдание всех современных автократий, бюрократий и догматизмов. Правы ли они? Будет ли либеральная мысль в этом мировом кризисе представлять собой зрелище толпы мелких спорящих человечков, сметенных бессмысленной метлой грубой случайности, или мы сможем в этом масштабном крушении или возрождении мира производить и выражать идеи, которые будут править? Было ли все это разговорами? Или это было планирование? Кто на самом деле будет формировать новый мир - философы или гунны?

Во-первых, что касается мира. Понимают ли либералы, что сейчас самое время планировать конфедерацию и коллективное разоружение Европы, сейчас самое время заново нарисовать карту Европы, чтобы на ней больше не было мучительных язв или неудовлетворенных национальных амбиций? Собираются ли либералы как единое целое крикнуть “Мир! Мир!” и оставить вопросы в покое, или они собираются ухватиться за них? Если либерализм во всем мире не разработает плана умиротворения мира до тех пор, пока дипломаты не приступят к работе, будет слишком поздно. Мир может наступить в Европе этой зимой так же быстро и катастрофично, как и война.

И далее, что касается социальной реконструкции. Понимают ли либералы, что индивидуалистическая капиталистическая система беспомощна *сейчас*? Это может быть воспринято без сопротивления. Это ошеломляет. Новый экономический порядок может быть импровизирован и, вероятно, каким-то образом будет импровизирован в ближайшие два-три года. Каковы намерения либерализма? Каков будет вклад либерализма? Один бедный либерал, я вижу, одержимые, чтобы исключить всякое другое соображение, тезис о том, что мы не были *юридически* обязаны бороться за Бельгию. Красивое замечание, но мелочное. Либерализм - это нечто большее, чем неблагоприятный отзыв о деяниях активных людей. Давайте приступим к определению наших намерений. Давайте немного позаимствуем опрометчивую энергию тех типов, которые устроили это бедствие. Давайте заключим перемирие с нашими более тонкими чувствами и обуздаем наши несогласные страсти. Давайте смело перерисуем карту Европы так, как мы хотим, чтобы она была перерисована, и давайте перестроим общество так, как мы хотим, чтобы оно было перестроено. Давайте приступим к работе, пока у нас еще есть немного времени. Или, пока наши бесполезные тонкие умы заняты, каждый своим особым, тонко чувствующим смыслом, Нортклиффы и дипломаты, шептуны Мировой политики, финансисты и милитаристы, представители оборонных кругов и казацкий царь, напуганные неизбежным красным рассветом социал-демократии без лидера, началом колоссального панического бегства, которое последует за этим великим потрясением и перемещением, несомненно, придумают какое-нибудь чудовищно грубое урегулирование, и последнее состояние этого мира будет хуже первого.

Сейчас есть возможность сделать фундаментальные вещи, которые в противном случае не были бы сделаны в течение сотен лет. Если либералы во всем мире — и в этом вопросе либерализм Америки является колоссальной возможностью — будут настаивать на Всемирной конференции по окончании этого конфликта, если они откажутся от всех частичных поселений и чисто европейских решений, они могут заново провести все границы, которые они выберут, они могут свести к минимуму тысячи раздражающих конфликтов расы, языка и правительства и создать Лигу мира, которая будет контролировать земной шар. Мир созреет для этого. И мир также

созреет для того, чтобы навсегда изгнать с лица земли частную индустрию вооружений и всю огромную коррупцию, которая влечет за собой это. Теперь возможно покончить с круппи́змом. Возможно, это больше никогда не будет возможно. Отныне давайте скажем, что оружие должно производиться государством, и только государством; в крови больше не должно быть частной выгоды. Это вторая великая возможность либерализма, связанная с первой. И, в-третьих, мы можем обратить наши нынешние социальные потребности на самую длительную социальную реорганизацию; приложив сейчас абсолютный минимум усилий, мы можем помочь ввести в действие методы и механизмы, которые навсегда сделают питание и обеспечение жильем населения и управление землей недоступными для частной жадности и эгоизма.

VIII ЛИБЕРАЛЬНЫЙ СТРАХ ПЕРЕД РОССИЕЙ

Очевидно, что в этой стране очень сильно опасаются власти и намерений России. Хорошо, что оправдание этого страха должно быть обсуждено сейчас, поскольку это, вероятно, очень глубоко повлияет на отношение британского и американского либерализма как к продолжению войны, так и к окончательному урегулированию.

Я полагаю, что это преувеличенный страх, возникающий из-за нашего крайнего незнания российских реалий. Англичане представляют Россию более целеустремленной, чем она есть на самом деле, более сконцентрированной, более враждебной западной цивилизации. Они думают о российской политике так, как если бы она была дьявольски умным пауком в темном месте. Они воображают, что грандиозное объединение государственной и национальной гордости и амбиций, которое в конце концов сделало Германскую империю невыносимой, в настоящее время может повториться в еще более гигантском масштабе, что панславизм займет место пангерманизма как господствующей агрессии в мире.

Я убежден, что этот ужас связан с фундаментальными неправильными представлениями и поспешными параллелизмами. Россия - не только самая обширная страна в мире, но и самая распущенная; она неспособна на такое грандиозное объединение. Еще не в течение двух столетий, если вообще когда-либо, разумно объединенной Западной Европе будет необходимо беспокоиться о риске определенной агрессии с Востока, как только с пруссачеством будет покончено. Я не думаю, что ему когда-нибудь придется утруждать себя.

В социальном и политическом плане Россия представляет собой совершенно уникальную структуру. Сейчас модно говорить о России как о стране "четырнадцатого века" или "шестнадцатого века". На самом деле, Россия, как и все остальное, находится в двадцатом веке, и совершенно невозможно найти в какой-либо другой эпохе подобную социальную организацию. В целом она варварская. От восьмидесяти до девяноста процентов ее население живет на уровне, очень немногим превышающем уровень тех земледельческих арийских рас, которые были рассеяны по Европе до начала письменной истории. Это неграмотное население. Она примитивно суеверна, консервативна и религиозна, она неспособна защитить себя в

обычной торговле современной жизни; против деловой предприимчивости более образованных рас у нее нет другого оружия, кроме жалкой крестьянской хитрости. Это, действительно, беспомощная, непробужденная масса. Над этими крестьянами стоят несколько миллионов довольно хорошо образованных и активно мыслящих людей. Это все, что хоть в какой-то мере соответствует западному сообществу, такому как наше. Либо они чиновники, клерикальные или мирские, в огромной правительственной машине, которая была укреплена главным образом Петром Великим для контроля душ и тел крестьянской массы, либо они частные лица, более или менее обиженно вовлеченные в эту машину. Во главе этой структуры, с полномочиями вмешательства, строго определенными его личными способностями, стоит трагическая фигура, Царь. Таков, вкратце, состав России, и она не похожа ни на одно другое государство на земле. Он будет следовать своим собственным законам и иметь свою собственную судьбу.

В дела России вовлечены некоторые менее варварские государства. Есть Финляндия, которая по сравнению с ней является высокоцивилизованной, и Польша, которая не так уж далеко опережает Россию. Обе эти страны постоянно испытывают беспокойство под грубым давлением глупых попыток их “русифицировать”. Кроме того, на Юге и Востоке есть определенные провинции, населенные евреями, которых Россия не может ни терпеть, ни ассимилировать, у которых нет понятных проектов помощи или реорганизации страны, и которые оглушают всю остальную Европу своими горькими, бесполезными рассказами о своих обидах, так что трудно осознать, насколько локальны и пристрастны их ошибки. Существует некая “русская идея”, содержащая в себе все факторы неудачи, вдохновляющая общую политику этого огромного аморфного государства. Наиболее полное выражение она нашла в творчестве ныне покойного Победоносцева и пронизывает бюрократию. Это мракобесие, отрицающее образование простых людей; это ортодоксальность, запрещающая свободу мысли и предпочитающая конформизм способностям; это бюрократизм и автократизм; это панславизм, русизация и агрессивность. Именно этой “русской идеи” западный либерализм боится, и, как я хочу подчеркнуть, боится необоснованно. Я не хочу утверждать, что это не плохо; это действительно плохо. Я хочу отметить, что, в отличие от пруссачества, оно не представляет большой опасности для мира в целом.

Пока эта русская идея, этот русский торизм доминирует в российских делах, Россия никогда не сможет быть по-настоящему грозной ни для Индии, ни для Китая, ни для либеральных наций Западной Европы. И всякий раз, когда она отказывается от этого торизма и становится современной и грозной, она перестает быть агрессивной. Это мой случай. Пока у России есть воля угнетать мир, у нее никогда не будет власти; когда у нее будет власть, у нее перестанет быть воля. Позвольте мне изложить свои доводы в пользу этого убеждения как можно лаконичнее, потому что, если я прав, то ряд либерально настроенных людей в Великобритании, Америке и Скандинавии, которые в совокупности могут оказать очень большое влияние на урегулирование в Европе, которое последует за этой войной, ошибаются. Они могут захотеть укрепить действительно опасную и злобную Австро-Германию за счет Франции, Бельгии и подвластного славянского населения из-за своего страха перед этой Россией, которая никогда не может быть одновременно злой и опасной.

Теперь, сначала позвольте мне указать на то, что показала англо-бурская война и к чему уже приводит этот грандиозный конфликт в Бельгии, - что времена неразумных простых солдат прошли; что одушевленные и индивидуализированные люди могут в современных условиях

сражаться лучше, чем неразумные и послушные люди. Военная служба становится все более специализированной. Она требует разумного обращения с оружием, настолько сложным и разрушительным, что большие массы людей на поле боя являются скорее помехой, чем силой. Сражения должны распространяться, а лидерство уступать место индивидуальной инициативе. Следовательно, Россия может стать достаточно могущественной, чтобы победить любую высокоразвитую европейскую страну, только повысив свой собственный средний уровень образования и инициативы, а этого она может добиться, только отказавшись от своих мракобесных методов, *либерализовавшись* по западноевропейской модели. Иными словами, ей придется научить свое население читать, увеличить число своих школ и университетов; и это сделает Россию совершенно отличной от той, которой мы опасаемся. Это предполагает ослабление хватки православия, изменение интеллектуального мировоззрения чиновничества, отказ от квазирелигиозного самодержавия - короче говоря, полный отказ от "русской идеи", какой мы ее знаем. И это означает также большое развитие местного самосознания. Россия сейчас кажется однородной, потому что в массе своей она настолько невежественна, что не осознает своих различий; но образованная Россия означает Россию, в которой русский и великорусский, латыш и татарин будут взаимно критичны и осознавать друг друга. Существующая русская идея должна уступить место совершенно более демократической, толерантной и космополитической идее России в целом, если Россия хочет избавиться от своего варварства и остаться единой. Не бывает дешевых настроений типа "Германия, Германия выше всех", готовых под рукой. Национальное качество против этого. Терпение при патриотизме - слабость немцев. Русские не могли продолжать петь "Россия, Россия превыше всего", так же как англичане не могли продолжать петь "Правь, Британия". Это наскучило бы им. Темперамент ни одного из русских народов не оправдывает веру в то, что они повторят в большем масштабе даже такую покорность, какую немцы проявили при пруссаках. Никто из тех, кто видел русских, у кого была возможность сравнить Берлин с Санкт-Петербургом или Москвой, или кто что-либо знает о русском искусстве или русской литературе, не сможет представить себе, что эти от природы мудрые, с чувством юмора и нетерпеливые люди воспроизводят застенчивую, притупленную муштрой, бездушную культуру Германии или политическую вульгарность Потсдама. Я признаю, что это ужасный мир, но пруссачество - это такая вещь, которая не повторяется дважды.

Россия по сути своей варварская страна. Кто может это отрицать? Государственный материал, а не государство. Но люди в Западной Европе постоянно пишут о России и русских, как будто качества, присущие варварству, были качествами, присущими русской крови. Россия совершает массовые убийства, иногда даже при официальном попустительстве. Но в России за всю ее историю не было столь отвратительных массовых убийств, в которых мы, благородные англичане, были повинны в Ирландии в шестнадцатом и семнадцатом веках. Россия тоже "русифицируется", иногда неуклюже, иногда довольно успешно. Но Германия стремилась к германизации — в Богемии и Польше, например, с заметным насилием и неудачей. Мы "англизировали" Ирландию. Эти насильственные усилия по созданию единообразия естественны для этапа социального и политического развития, из которого ни один народ на земле еще полностью не вышел. И если мы ставим перед собой теперь для создания объединенной Польши под российской короной, если мы принесем все большим влиянием западных держав на стороне либерализации войсками в Финляндии, если мы не стараемся сорвать и Россию задушить, закрыв ее законный выход в Средиземное море, мы должны сделать несравненно больше для человеческого счастья, чем если бы мы недоверия к ней,

проверить ее, и заставить ее вернуться на варварство, из которого, с какой-то слепой жалкая мудрость, она стремится выйти.

К несчастью для России, она вступила в явный конфликт с евреями. Она, конечно, обращалась с ними не хуже, чем со своим собственным народом, и обращалась с ними менее жестоко, чем с ними обращались в Англии в средние века. Еврейским партикуляризмом вызывают негодование всего некультурного человечества. Их освобождает цивилизация, а не бунт. И в то время как неудачи России отбросят ее цивилизацию назад и усилят страдания всех подвластных ей евреев, успех России в этом союзе неизбежно приведет к вестернизации, прогрессу и улучшению положения для них. Но, к несчастью, это, по-видимому, не является очевидным для многих еврейских умов. Они были озлоблены своими обидами, и в английской, а еще больше в американской прессе звучит тяжелая обида на Россию, которая искажает суть этого вопроса. Хотя мы все еще находимся только в начальной фазе этой борьбы за жизнь против пруссанизированной Германской империи, этой борьбы за избавление от милитаризма, который медленно душил цивилизацию, огромным несчастьем является то, что это расовое негодование, которое, каким бы великим оно ни было, все еще является мелочью по сравнению с вовлеченными мировыми проблемами, должно сломать единый фронт западной цивилизации, и что доверие России должно быть под угрозой, как сейчас ему угрожают сомнения и пренебрежение в прессе. Мы не настолько уверены в победе, чтобы отстранять союзника. Мы должны принять решение о воссоединении всей Польши под Российской короной, и если турки решат сыграть глупую роль, то не нам сейчас ссориться из-за судьбы Константинополя. Союзники не должны поддаваться искушению поссориться из-за Константинополя. Баланс сил на Балканах, то есть непрекращающиеся интриги между Австрией и Россией, остановили цивилизацию Юго-Восточной Европы на столетие. Пусть она рухнет. Неоспоримая Россия станет полезной преградой, и эта война не создаст большой опасности для новой великой Сербии, новой великой Румынии и расширенной и восстановленной Болгарии, которую эта война сделает возможной.

Только одной цивилизованной стране Россия действительно “угрожает”, и эта страна - Швеция. Швеция обладает огромными запасами угля и железа в пределах досягаемости России. И, признаюсь, в эти дни я с некоторым ужасом наблюдаю за Скандинавией. Швеция - единственная европейская страна, в которой есть прогерманская милитаристская партия, и у нее может возникнуть искушение — я не знаю, насколько сильное, возможно, у нее уже не было искушения — втянуть себя и Норвегию в эту борьбу на стороне Германии. Если она это сделает, наше правительство будет немало виновато в том, что не дало ей и не побудило Россию дать ей самые решительные совместные заверения и гарантии ее неприкосновенности на веки вечные. Но если скандинавские страны воздержатся от какого-либо участия в нынешней войне, тогда я не вижу, что помешает нам, Франции и России сделать самое публичное, определенное и обязательное заявление о нашей общей заинтересованности в целостности Швеции и нашей общей решимости сохранить ее.

Помимо этого, я нигде не вижу опасности для цивилизации в России - по крайней мере, такой значительной, как держава кайзера-Круппа, с которой мы боремся, чтобы покончить. Эта война, даже если она принесет нам максимальный успех, все равно оставит Россию лицом к лицу с объединенной и наказанной Германией. Ибо следует помнить, что падение пруссачества и распад Австро-Венгерской империи сделают Германию не меньше, а больше, чем она есть сейчас. Для Индии, достойно управляемой и охраняемой, с уровнем образования выше ее

собственного и втрое превышающим ее численность населения, Россия может быть опасна только из-за грубейшего неправильного управления с нашей стороны, и ее полномочия по вмешательству в дела Китая будут ограничены на многие годы. Но все наши возможности по вмешательству в дела Китая будут ограничены на многие годы. Передышка для восстановления Китая - одно из самых непосредственных и наименее двусмысленных благ этой войны. Если только китайцы не будут необучаемы — а только глупые люди считают их глупой расой, — Китай 1934 года не будет тем Китаем, в который могли бы вмешиваться ни мы, ни Россия. Так откуда же во всем мире исходит эта опасность со стороны России?

С другой стороны, опасность господства Круппа и кайзера во всем мире является непосредственной. Поражение или даже частичная победа союзников означает не что иное, как это.

IX ОБРАЩЕНИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ НАРОДУ

Этот призыв исходит к вам из Англии, находящейся в состоянии войны, и адресован он вам, потому что от вашей нации зависит исход этого конфликта. Влияние ваших государств на его природу и продолжительность должно быть огромным, и в его конце вы можете сыграть такую роль, какую ни одна нация никогда не играла с момента сотворения мира.

Ибо от вас зависит установить и обеспечить постоянный мир во всем мире, окончательное прекращение войны.

Этот призыв исходит к вам из Англии, но это не апелляция к древним ассоциациям или расовому родству. Ваш общий язык действительно английский, но ваша нация давно переросла эти ранние связи, кровь всех народов Европы смешивается в единстве ваших государств, и этот призыв обращен к величию вашего будущего, а не к случайностям вашего первого зарождения, к человечности в вас, а не к англичанам, ирландцам, шотландцам и валлийцам в вас. Половина мира находится в состоянии войны, или на самой грани войны; невозможно, чтобы вы игнорировали этот конфликт или отворачивались от него. Вы неизбежно должны судить нас. Неизбежно ваше участие в окончательном урегулировании, которое улучшит или испортит благосостояние человечества на столетия вперед. Мы обращаемся к вам с просьбой рассудить нас, терпеливо выслушать наше дело, использовать огромную решающую силу, которую вы держите на весах, не поспешно, не бездумно. Ибо мы не скрываем от самих себя, что вы можете разрушить все наши надежды в этом конфликте. Ваш народ более чем в два раза многочисленнее нас, и все же вы - только начало того, чем вам предстоит стать, с четкой перспективой экспансии, которая выходит за пределы этих маленьких островов, с безграничными и все еще едва освоенными источниками богатства и власти. Вы уже достигли той стадии, когда вам свойственно определенное великодушие в вашем отношении к европейским делам.

Теперь, в то время как вы, из-за вашего удачного положения и из-за разумных и братских отношений, которые стали незыблемой традицией вдоль вашей северной границы — мы, англичане, внесли свой вклад в обеспечение этого, — в то время как вы живете свободными от зрелища и бремени военных приготовлений, свободными, как кажется, навсегда, вся Европа на протяжении более чем полувека все более и более устало сгибается под постоянно растущим бременем вооружений. В течение многих лет Европа была вооруженным лагерем, с миллионами людей, постоянно находящихся при оружии, со страхом войны, повсеместно отравляющим ее жизнь, с обнищанием в области образования, с задержкой социального развития, со всем, кроме военного снаряжения. Было бы глупо возлагать вину за такое положение дел на какую-то конкретную нацию; она росла, как растет большинство великих зол, тихо, без внимания. Можно обратиться к истории Тридцатилетней войны, к таким именам, как Фридрих Великий, Наполеон Первый, Наполеон Третий, Бисмарк; какое теперь имеет значение, кто это начал и кто больше всех виноват? Вот оно, и мы должны с ним справиться.

Но мы, англичане, утверждаем, что именно правительство германского императора в течение последних 40 лет брало на себя инициативу и ускоряло темп в этих вопросах, что заставляло нас, англичан, добавлять военный корабль к военному кораблю в безжалостном соревновании за сохранение того господства на море, от которого зависит наше существование как свободного народа, и что истощило силы Франции почти до предела человеческой выносливости, так что образование и благосостояние ее народа сильно пострадали, так что сегодняшний Париж явно является обедневшим и перегруженным налогами городом. И этот постоянный страх перед вооруженной мощью Германии вынудил Францию вступить в союзы и запутаться, которых она в противном случае избежала бы.

Давайте не будем пытаться отрицать величие Германии и вклад Германии в науку, искусство, литературу и все, что есть хорошего в человеческой жизни. Но злые влияния могут затмевать лучшие народы, и это наш случай, когда после побед 1871 года Германия была одержима поклонением материальной силе и славе и презирала праведность; что она угрожала и властвовала над всем миром. Велась пропаганда цинизма и национальной грубости, декларировалось презрение к договорам и обещаниям, так что вся Европа была встревожена и в страхе. И поскольку никто из нас не святой, и уж точно ни одна нация не является святой, мы были возмущены; нет ни одной страны в Европе, которая не проявляла бы негодования из-за этой постоянной угрозы со стороны Германии. И вот, наконец, внезапно то, чему угрожали, свершилось, и Германия находится в состоянии войны.

Из-за убийства, совершенного одним из ее собственных подданных, Австрия объявила войну Сербии, Россия вооружилась для защиты родственной страны, а затем с быстротой многолетних преднамеренных действий Германия объявила войну России и нанесла удар по Франции, нанесла удар по мирной земле Бельгии, маленькой стране, которую мы, англичане, обязались защищать, маленькой стране, которая никогда не давала Германии ни малейшего повода для враждебности, и в надежде застать Францию неготовой. Конечно, мы начали войну. Если бы мы этого не сделали, смогли бы мы, англичане, когда-нибудь снова посмотреть миру в лицо?

И едва ли кто-то возражает против того, что Англия находится в состоянии войны. Никогда британский народ не был таким единодушным; вся Ирландия с нами и является совестью всего мира. И теперь, когда эта война началась, мы полны решимости навсегда покончить с

милитаризмом в мире. Мы сражаемся не за то, чтобы уничтожить Германию; это твердая решимость Англии не допустить, чтобы новые “завоеванные провинции” омрачали будущее Европы. Что бы ни случилось, вся немецкая Германия выйдет из этой войны неразделенной и по-прежнему немецкой. Возможно, ей придется отказаться от своих собственных “завоеваний”, от своих поляков и других подвластных народов, но это самое большее, чего мы от нее потребуем. С присоединением Австрии Германия может даже выйти из этой войны большей Германией, чем в начале. У нас нет ненависти к немецким вещам и немецкому народу. Но мы боремся за то, чтобы навсегда сломать эту огромную боевую машину — эту боевую машину, которая была таким притеснением, о котором не может мечтать ни один коренной американец, для любой другой нации в Европе. Мы боремся за то, чтобы покончить с кайзеризмом и круппизмом навсегда. Вот, коротко и ясно, наше дело и наша цель. Теперь давайте перейдем к непосредственному содержанию этого обращения.

Мы не просим вас о военной помощи. Сохраняйте мир, которым вам так крепко повезло наслаждаться. Но сохраняйте его честно. Помните, что сейчас мы боремся за национальное существование, и что ночью, даже когда это пишется, в радиусе ста миль или около того от этого места темные корабли нащупывают путь среди плавучих мин, которыми немцы усеяли Северное море, и наши сыновья и сыновья Бельгии и Франции идут бок о бок, не сотнями и не тысячами, а сотнями тысяч, шеренга за шеренгой, шеренга за шеренгой - навстречу смерти. Даже сейчас, когда это пишется, жатва смерти уже собрана. Вспомните наш трагический случай. Европа полна безрадостной решимости покончить с этим злом навсегда; она мрачно и печально погружается в жестокие чудовища войны, и, несомненно, не будет никаких криков в поддержку победителей, какая бы сторона ни одержала победу. Мы твердо верим, что в конце концов будет создана новая Европа, Европа, избавленная от мучительного угнетения, со свободной Польшей, свободной Финляндией, свободной Германией, Балканы будут заселены, маленькие нации в безопасности, и мир будет обеспечен. И крайне важно, чтобы мы спросили вас сейчас — что вы собираетесь делать на протяжении всей борьбы и что вы будете делать в конце?

Нам в Англии сказали об одной вещи, которую вы намереваетесь сделать, и которая побудила меня к этому обращению. Ибо это не только странно само по себе, но и вскоре за этим могут последовать другие подобные идеи. Что бы ни случилось, все либеральные силы Англии и Франции полны решимости уважать свободу Голландии. Но положение Голландии, как вы можете видеть в любом атласе, в этой войне очень своеобразное. Рейн проходит в тылу длинной немецкой линии, как если бы это был канал для снабжения этой линии припасами, а затем впадает в Голландию и так мимо Роттердама к морю. Так что любая нейтральная держава, такая, как вы, может направить поток продовольствия и военных материалов через Голландию практически в руки немецкой боевой линии. Даже если мы выиграем наши сражения на поле боя, это значительно уменьшит наши шансы на завершение этой войны. Но мы потерпим это; Голландия имеет право таким образом одолевать немцев, и мы не можем предотвратить это, не совершив такого же очередного нарушения законов наций, в котором Германия была виновна, вторгнувшись в Бельгию.

И вот тут на помощь приходит ваша страна. В ваших гаванях стоит огромное количество больших немецких кораблей, которые не осмеливаются выходить в море из-за нашего флота. Предлагается, как нам сообщили, организовать покупку этих кораблей американскими гражданами, облегчить специальным законодательством их переход под ваш флаг, а затем

загрузить их продовольствием и военными материалами и отправить через Атлантику и через узкие моря, моря, которые ценой крейсера и множества людей мы с трудом очистили от немецких контактных мин, чтобы получить военные цены в Роттердаме и снабжать наших врагов. Мы признаем, что это разумный поступок; это принесет вашему народу не только огромную немедленную прибыль, но и морскую пехоту за один *переворот*; это, безусловно, продлит войну, и поэтому это будет означать убийство и ранение десятков тысяч молодых немцев, англичан, французов и бельгийцев, которые в противном случае могли бы спастись. Это в пределах ваших законных прав, и мы прямо скажем вам сейчас, что отказываемся спорить с вами по этому поводу, но просим вас не слишком обижаться, если мы проявим определенное отсутствие энтузиазма по поводу этой идеи.

И начав такие предприятия, как это, что вы собираетесь сделать для человечества и окончательного мира во всем мире? Вы знаете, что царь восстановил свободу Финляндии и пообещал вновь объединить разорванные фрагменты Польши в свободное королевство, но, вероятно, вы не знаете, что он и Англия обязались уважать и защищать друг от друга и от всего мира автономию Норвегии и Швеции, а также обширные и заманчивые запасы полезных ископаемых Швеции недалеко от границы с Россией. Мы просим вас не быть слишком циничными по отношению к обещаниям царя и быть готовыми помочь нам, Франции и ему добиться того, чтобы они стали реальностью. И это в отношении Скандинавии - обещание не только России, но и наше. Это нечто большее, чем война армий; это великий моральный переворот, и вы не должны судить о духе современной Европы по истории ее дипломатии. Когда эта война закончится, вся Европа будет взывать к разоружению. Вы собираетесь помочь тогда или собираетесь помешать этому призыву? В Европе мы попытаемся уничтожить огромную частную торговлю военными материалами, этот "круппизм", который лежит так близко к корням всего этого чудовищного бедствия. Мы не сможем этого сделать, пока вы не сделаете то же самое. Вы готовы это сделать? Готовы ли вы собраться на конференцию в конце этой войны, чтобы обеспечить мир во всем мире, или вы собираетесь выделиться, создавать нам трудности из-за наших мировых затруднений, извлекать преимущества, придирайтесь к нашим союзникам из-за вашей бесконечной безопасности и, возможно, в разгар нашей борьбы затеять с нами ссору по какому-то второстепенному поводу? Вы действительно собираетесь играть роль просто многочисленного маленького народа, симпатичного торгового, легковозбудимого народа, или вы собираетесь играть роль великой нации в этой борьбе цивилизаций старого света не на жизнь, а на смерть? Готовы ли вы сейчас взять на себя то лидерство среди наций, на которое указывают вам ваше величие и свобода? Мы обращаемся к вам с этим призывом не ради себя; это ради всего будущего человечества. И мы делаем это с большей уверенностью, потому что ваше правительство уже выступило за мир и соблюдение международных договоров вопреки низменным преимуществам.

Раны наших погибших уже взывают к тебе.

Х

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И БАЛКАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Балканские государства никогда не были проблемой, они были лишь частью проблемы. Вот почему ни один человек еще не создал даже бумажного решения, приемлемого для другого человека.

Попытка урегулировать балканские дела с Австро-Венгерской империей, оставшейся в стороне от проблемы, была подобна попытке разобраться с рядом случаев в больнице, при которых приходилось игнорировать голову и плечи одного пациента, ноги другого, живот третьего. Основная масса сербского народа и значительная масса румын находились в австро-венгерской системе, и именно австрийский запрет на любое развитие Сербии в направлении Адриатики вынудил эту страну вернуться к своему несчастливому конфликту с Болгарией. Теперь все изменилось. Английскому народу больше не нужны проблемы из-за австрийской восприимчивости, и не только наши интересы, но и наши насущные потребности идут рука об руку с разумными амбициями четырех балканских наций.

Давайте начнем с того, что избавимся от определенного количества бессмыслицы, которую говорят и в которую верят многие хорошие люди о двух из этих Состояний. Слишком уж принято говорить и писать о Сербии и Болгарии так, как будто они были почти безнадежно варварскими и преступными сообществами, неспособными участвовать в братстве европейских народов. Убийство покойных короля и королевы Сербии, покушение в Сераево, безрассудное нападение Болгарии на Сербию, приведшее к распаду Балканской лиги, и бесконечные жестокости и варварства войны в Македонии слишком сильно перевешивают очевидную потребность в воссоединении Великой Сербии, восстановленной Болгарии и разумной перспективе восстановления Балканской лиги.

Теперь невозможно избавиться от неопровержимых фактов этих преступлений и жестокости. Но они должны соответствовать тем огромным проблемам, которые сейчас стоят перед миром. Давайте приведем несколько цифр, которые определяют масштаб. Общая численность сербского народа превышает десять миллионов человек, столько же румын, более двадцати миллионов поляков и, возможно, семь миллионов болгар. Чехов и словенцев насчитывается шесть или семь миллионов, мадьяр - более десяти миллионов, а русинов, все еще находящихся под австрийским контролем, - четыре миллиона. Теперь каждому здравомыслящему англичанину очевидно, что очень немногие из этих шестидесяти или семидесяти миллионов человек, вероятно, будут социально и политически счастливы, пока они не освободятся от тесного подчинения чужеземным правителям, говорящим на незнакомых языках, и столь же очевидно, что до тех пор, пока они не будут разумно довольны, мир в остальной Европе будет оставаться неопределенным. Так что именно на этих регионах зиждется мир Англии, Франции, Германии, России и Италии.

Таким образом, разумное изменение карты и умиротворение юго-Восточной Европы должны повлиять на жизни сотен миллионов людей, к добру это или ко злу. В этом разумном переосмыслении и умиротворении мы, по сути, имеем дело с делами настолько гигантского масштаба, что простое убийство этого человека или той-другой личности сводится почти к нулю. Безусловно, нелепо, что убийство неразумного молодого короля, который подчинил судьбы своей нации романтической связи, убийство, совершенное не целой нацией, даже не

толпой, а менее чем сотней офицеров, которые были по меньшей мере столь же патриотичны, сколь и жестоки, или даже сетью заговора, в результате которого был убит эрцгерцог Франц Фердинанд, должно встать на пути освобождения и единства миллионов сербов, которые были так же невиновны в этих вещах, как любой фермер из Уилтшира. У всех народов была своя криминальная и кровавая фаза; британцы и американцы, которые заявляют о таком ужасе перед убийствами в Сербии и Болгарии, должно быть, совершенно ничего не знают об истории Шотландии и Ирландии и о темной стороне судьбы краснокожих индейцев. Если заговор об убийстве был задуман в Сербии, то разве в Ирландии и Америке не было фениев? Мы, англичане, во всяком случае, не позволили высокоорганизованным убийствам в Феникс-парке навсегда заглушить свободу Ирландии или вызвать войну с Америкой. Чем скорее мы, англичане и американцы, очистим наши умы от этой самодовольной болтовни против всей сербской расы из-за нескольких ужасов, неизбежных в состоянии варварских беспорядков, тем скорее мы сможем помочь этим народам продвинуться к свободе и безопасности, которые одни могут сделать подобное варварство невозможным. Было бы столь же разумно поклясться в вечной ненависти и безжалостной мести всей немецкоязычной расе (около семидесяти миллионов человек) из-за сожжений и убийств в Льеже. Подавленные нации, оскорбленные расы - это крепости возмутительной жестокости. Эта война - не кинематографическая мелодрама. Смерти королевы Драги и эрцгерцога Франца Фердинанда вообще нет в этой картине. Задача государственного управления - не мстить за прошлое, а учитывать возможности настоящего и надеяться на будущее.

И открытая в настоящее время возможность для нас состоит в том, чтобы возродить Балканскую лигу и отождествить себя с разумными надеждами этих возрождающихся народов. В этом возрождении Англия может сыграть активную и направляющую роль. Распад первой Балканской лиги стал глубоким разочарованием для либерального мнения во всем мире; но это не было необратимой катастрофой. Чудом был, действительно, не разрыв, а объединение. И сам разрыв произошел в значительной степени из-за того, что Сербии помешали не ее единомышленники, а Австрия. Теперь Австрияне рассматривается. Для Румынии и для каждой из трех балканских держав есть очевидное, почетное и разумное преимущество в общем соглашении и согласованных действиях с нами сейчас. Для Греции предусмотрены очевидные компенсации в Эпире и на островах и — мы можем обойтись без этого — на Кипре. Для Болгарии существует щедрое исправление Македонии. Естественное расширение двух северных государств уже было указано. И если Турция окажется глупой и допустит грубую ошибку в этом кризисе, тогда станут возможными дальнейшие очень естественные и весьма желательные изменения. Что сейчас удерживает эти государства от согласованных действий на нашей стороне, так это всего лишь недоверие и вражда, оставшиеся после распада первой Балканской лиги. Они не будут с готовностью снова доверять друг другу. Но они будут доверять Англии. Теперь они сядут за стол переговоров, на которых будут представлены Англия, Россия и Италия, и на которых Англия, Россия и Италия принесут гарантии постоянного урегулирования и в течение дня согласуют все детали своих предполагаемых границ. Они заключат мир, который продлится столетие. Англия могла бы сделать больше, чем просто примирить; она могла бы финансировать. И тогда атака на Вену и немецкий тыл была бы немедленно усилена шестьюстами или семистами тысячами закаленных солдат.

Более того, вряд ли Италия смогла бы отказаться от участия в этой войне, если бы это сделала объединенная Балканская лига. С сербами в Далмации было бы едва ли возможно удержать итальянцев от Триеста и Фиуме, и задолго до того, как эта горячо ожидаемая русская лавина

проложит себе путь к Берлину, это наступление с юга может произойти в Вене. Время, когда масштабы этой войны могли быть ограничены, давно прошло, и каждый новый солдат, который сейчас вступает в бой, сокращает агонию Европы.

Но меня больше всего беспокоят не непосредственные военные преимущества Балканской лиги. Балканская лига мира для взаимной защиты станет абсолютной необходимостью в возрожденной Европе. Это необходимо для спокойствия во всем мире. Это необходимо, если фермер из Уилтшира хочет спокойно пасти своих овец; это необходимо, если люди хотят быть процветающими и счастливыми в Чикаго и Иокогаме. Возможно, "Балканская лига" сейчас является недостаточно обширным словом, поскольку Румыния находится не на Балканском полуострове, и Италия обязательно должна быть вовлечена в любое долгосрочное урегулирование. Но ясно, что обустройство Европы по либеральным принципам предполагает создание этих различных государств с населением от десяти до двадцати миллионов человек, ни одно из них не является достаточно мощным, чтобы быть в безопасности в одиночку, но в совокупности представляет собой величайшую державу в Европе, и столь же ясно, что они должны быть связаны какими-то общими узами и пониманием.

Не может быть никаких сомнений в том, что все эти возможности очень серьезно осложняются надуманными династическими интересами, которые, к несчастью, возникли в этих новых государствах. К сожалению, нам приходится считаться не только с народами, но и с королями. Такая монархия, как в Сербии или Болгарии, сужает, персонифицирует, усиливает и искажает национальные чувства. Национальная ненависть и национальные амбиции, несомненно, могут временами оказывать очень пагубное влияние на мировые дела, но именно жадность и тщеславие исключительных монархов, Наполеонов, Фредериков Великих и так далее, доводят эти смутные, обширные чувства до предела и кризиса. И именно эти концентрированные и чрезмерно индивидуализированные цели, эти маленькие божки на монете и почтовой марке будут больше всего препятствовать разумной швейцаризации и умиротворению юго-Восточной Европы. Чем яснее это будет признано сейчас в Европе, тем меньше у них будет шансов, тем менее способными они будут препятствовать разумному урегулированию. По крайней мере, на нашей стороне это война наций, а не князей.

Именно по этой причине мы должны сделать обсуждение этих национальных договоренностей настолько открытым и публичным, насколько это возможно. Это не вопрос для тихих маленьких сделок дипломатов. Это не шанс для королей. Все цивилизованные народы земли должны сформировать представление об общих принципах, на которых может быть основана тихоокеанская Европа, идею, достаточно ясную и мощную, чтобы предотвратить маневры канцлеров и подавить их. Сами нации должны стать хранителями общего мира. В Италии, действительно, это уже имеет место. Итальянская монархия - сильная и либеральная монархия, пользующаяся доверием своего народа; но если бы это было не так, то совершенно очевидным фактом является то, что никакое предательство со стороны ее правителей не побудило бы итальянский народ начать войну против Франции в интересах Австрии и Пруссии. Я также сомневаюсь, что нынешний король Болгарии может позволить себе снова совершить грубую ошибку. Мир неуклонно переходит от фазы национализма, ориентированного на придворных, к фазе коллективной национальной цели. Вся сила западного либерализма должна встать на сторону этого движения, и ни в каком направлении он не может проявить свою силу столь эффективно в настоящее время, как в открытом и энергичном продвижении новой и более великой Балканской лиги.

XI ВОЙНА РАЗУМА

Все реалии этой войны - плод воображения. Это конфликт культур, и ничто иное в мире. Вся мировая боль и усталость, страх и тревоги, кровопролитие и разрушения, бесчисленные растерзанные тела людей и лошадей, зловоние разложения, страдания сотен миллионов человеческих существ, опустошение человечества - это всего лишь материальные последствия ложной философии и глупого мышления. Мы боремся не за то, чтобы уничтожить нацию, а за то, чтобы уничтожить гнездо злых идей.

Мы сражаемся, потому что целая нация стала одержима гордыней, косностью цинизма и тщеславием насилия, злобным внушением таких третьеразрядных писателей, как Гобино и Стюарт Чемберлен, что они были людьми особого совершенства, которым суждено господствовать на земле, низменным предложением преимущества в хитрости и предательстве, исходящим от таких людей, как Дельбрюк и Бернарди, театральностью кайзера и двумя волнующими песнями о Германии и Рейне. Всего этого, переплетающегося с деятельностью торговцев из треста вооружений и обычным тщеславием ислабостями легкомысленных людей, было достаточно, чтобы вызвать катастрофу — мы даже не начинаем измерять масштабы катастрофы. За всем этим стоят, подстегивая все это, торговцы идеями, низменные писатели, претенциозные профессора в сюртуках, строчащие полковники. Они - идея. Они указывали путь и шептали “Вперед!” Теперь они ведут мир к катастрофе. Это как если бы Бог в момент бурного веселья одолжил свои вихри для прогулки полудюжине блох.

И настоящая задача, стоящая перед человечеством, совершенно не связана с линией фронта, это простое ужасное дело дискредитации и пресечения этих глупостей с помощью линкоров, артиллерии, винтовок, крови и мужества семи миллионов человек. Настоящая задача человечества состоит в том, чтобы вбить больше здравого смысла в головы этих немцев, а вместе с ними и тем самым в головы человечества в целом, и положить конец не просто войне, но идее войны. То, что сделали печать, письмо и разговоры, печать, письмо и разговоры могут исправить. Пусть никто не обманывается массой и материей. Винтовки только убивают людей, и новые люди рождаются, чтобы следовать за ними. Наше дело - уничтожать идеи. Конечная цель этой войны - пропаганда, разрушение одних убеждений и создание других. Именно к этой пропаганде должны обратиться разумные люди.

И когда я пишу о пропаганде, я ни на секунду не имею в виду пропаганду, с которой ассоциируется имя мистера Нормана Энджелла; это великое современное учение о том, что война *неоплачивается*. Это действительно единственная достойная и привлекательная вещь, которую еще можно сказать о войне. Ничто из того, что действительно стоит иметь в жизни, не окупается. Люди живут для того, чтобы иметь возможность платить за неоплаченные вещи. Любовь не окупается, искусство не окупается, счастье не окупается, честность - не лучшая политика, щедрость влечет за собой неблагодарность подлых; какая польза от аргументации этого торгаша? Это возмущает всех честных людей. Но война, платная она или нет, - чудовищно

уродливая вещь, жестокая, уничтожающая бесчисленные красоты. Кого волнует, платит война или не платит, когда думаешь о какой-нибудь упрямой бельгийской крестьянке, которую допрашивает и расстреливает грубый немецкий офицер, или о слабо хныкающем беспорядке в какой-нибудь бедной лачуге с маленькими детьми, пораженной снарядом? Даже если бы война приносила двенадцать с половиной процентов. в год навсегда с каждого фунта, затраченного на ведение войны, была бы она хоть сколько-нибудь менее отвратительной для каждой порядочной души? И, более того, это скучно. Это невыносимая скука. Война и подготовка к войне, налоги, муштра, вмешательство в любую свободную деятельность, аресты и ужесточение жизни, повиновение третьеразрядным людям в военной форме, непримиримыми выразителями которых были пораженные Берлином немцы, стали невыносимой помехой для всего человечества. Ни Бельгия, ни Франция, ни Великобритания не сражаются сейчас за славу или преимущество. Я не верю, что Россия делает это; я полагаю, мы все сражаемся в ярости негодования, потому что, наконец, после многих лет расточительства и беспокойства о том, чтобы предотвратить это, мы были вынуждены это сделать. Наша жалоба - это жалоба каждой порядочной, любящей жизнь немки, каждой немецкой матери и возлюбленной, которая наблюдала, как ее мужчина уходил под руководством своих некомпетентных лидеров навстречу лишениям, увечьям и смерти. И наша пропаганда против прусской идеи должна быть не мерзким аргументом для кармана, а апелляцией к здравому смыслу и общим чувствам человечества. Мы должны прояснить ситуацию в головах немцев и сохранить ясность в головах наших собственных людей относительно этой войны. Особенно необходимо отговаривать наш народ от мечты о краже прибыли, от "Войны против немецкой торговли". Мы должны снова и снова повторять, что мы боремся, твердо решив, что в конце концов ни одна национальность больше не будет угнетать ни одну национальность или язык в Европе навсегда, и в качестве иллюстрации нам нужны не те хитроумные сочетания фигур, которые поражают воображение Энджелла, а фотографии кайзера во всей его красе на смотре, и фотографии длинного, неинтеллигентного лица кронпринца, его сына, фотографии этого великого оригинала Круппа, снимающего свою карьеру. удовольствия на Капри и, рядом с ними, фотографии, безжалостно показывающие убитых и ужасно истерзанных мужчин на поле боя, мужчин-калек, убитых женщин и мужчин, сожженных домов и, донеприличия, всей специфической грязи войны. И дело, которое должно быть изложено таким образом, должно быть доведено до сведения немцев, американцев, французов и англичан, шведов, русских и итальянцев как наше общее зло, которому, хотя и за счет нескольких правительств, мы должны положить конец.

Итак, как же будет распространяться эта литература? Как нам достучаться до простых людей западноевропейских стран с этими объяснениями, этими заверениями, этими предложениями, которые необходимы для надлежащего окончания этой войны? Я бы хотел, чтобы у нас было правительство, способное на что-то более внятное, чем "Подожди и увидишь!", правительство, которое осмелилось бы заявить о национальных намерениях всему миру. Ибо то, что говорит правительство, слышно всему миру. К королю Георгу прислушиваются тысячи миллионов человек. Если бы он счел нужным просто и ясно сказать, за что мы боремся и к чему стремимся, его голос был бы услышан повсеместно, через Германию, через всю Америку. Ни один другой голос не обладает такой проникновенностью. Он сказал нам, что с интересом наблюдает за войной, но этого недостаточно; мы могли бы догадаться об этом, зная его дух. Как нации, нам нужно выражение, которое достигнет другой стороны. Но, боюсь, наше правительство - одно из тех, которые подчиняются необходимости; оно лишь очень неохотно проявляет творческий подход; следовательно, взять эту работу в свои руки должны мы, которые, вне всякого

формального правительства, представляем национальную волю и намерение. Посредством пропаганды книг, газетных статей, листовок, брошюр на английском, французском, немецком, голландском, шведском, норвежском, итальянском, китайском и японском языках мы должны распространять эту идею, повторять ее *инавязывать этой войне* идею о том, что эта война должна положить конец войне. Мы должны создать широкую общую концепцию обновленной и умиротворенной Европы, освобожденной от отвратительных опасностей частной торговли вооружениями, в значительной степени разоруженной и обязавшейся обеспечивать взаимную защиту. Эта концепция возникла в ряде умов, и были выдвинуты предложения, одновременно самые экстраординарные и осуществимые для ее реализации, проекты самолетов, разбрасывающих листовки по всей Германии, армий, распространяющих брошюры по мере их продвижения, военнопленных, сильно страдающих от подобной литературы. Эти идеи абсурдны из-за новизны, но в остальном они ни в коем случае не абсурдны. Многим солдатам они покажутся неприличными, но мир восстает против стандартов солдатской службы.

Никогда прежде мир не видел так ясно, как сейчас, *роль* мысли в развязывании войны. Эта новая концепция влечет за собой совершенно новую кампанию.

Как мы можем проникнуть в умы наших врагов? Как мы можем сделать объяснение более мощным, чем армии и флоты? Не имея внятного голоса во главе нашей страны, мы должны искать отклик, в котором мы нуждаемся, в других кругах. Мы обращаемся к Церкви, которая носит для своих целей имя Князя Мира. В Англии, за исключением самого маленького, кроткого протеста против войны, любого вида войны, со стороны горстки квакеров, христианство молчит. Его повсеместно присутствующая организация не дает никаких внятных советов. Его работники по большей части погружены в добросовестное производство фланелевой одежды и непомерного количества постельных носков для раненых. Это необыкновенная вещь - пойти сейчас и посмотреть на свою приходскую церковь и обратить внимание на кафедру, порядок расположения слушателей, объявления на дверях, посидеть немного на каменной стене вокруг могил, осмотреть уютный дом викария и поразмыслить о том, что это всего лишь местное представительство универсальной организации для обмена идеями; что по всей Европе есть такие кафедры, такие возможности собираться и говорить, и что им нечего собирать и нечего сказать. Возможно, это выражает миролюбивые, патриотические чувства, но нет ничего, на что кто-либо мог бы повлиять, ничего, что могло бы объединить, заставить и положить конец. Странно сидеть живым на солнышке и осознавать это, а также думать о том, как трагично то же самое осознание пришло к другому уму в Европе.

За последние несколько недель произошло несколько событий, имеющих глубочайшее символическое значение; например, убийство Жореса; но, конечно, ничто не произошло столь чудесно и трогательно, как смерть папы Римского, этого верного, честного, простого старика. Война и связанные с ней трудности омрачили его последние часы. “Когда—то Церковь могла остановить это”, - сказал он с чувством упущенных нитей и ускользнувшего контроля - возможно, с чувством животворящей помощи, обескураженной и отвергнутой. *Tribuna* рассказывает историю, которая если и не соответствует действительности, то чудесно придумана, о том, как представитель Австрии пришел попросить у него благословения на австрийское оружие. Он притворился, что не слышит, или, возможно, он действительно не слышал. Австриец спросил снова, и снова наступила тишина. Затем, по третьей просьбе, когда он больше не мог молчать, у него вырвалось: “Нет! *Благослови мир!*” По мере того как температура его усталого тела повышалась, его последние минуты ясности были потрачены на

попытки составить телеграммы, которые должны были хоть как-то повлиять на надвигающуюся гигантскую катастрофу, и в своем последнем бреду он оплакивал войну и бессилие Церкви

Интеллект без веры - это дьявол, но вера без интеллекта - это нерадивый ангел с заржавленным оружием. Эта европейская катастрофа - трагедия слабой, хотя и праведной христианской воли. Мы начинаем понимать, что быть правым и ленивым, или правым и презрительно молчать, или правым и воздерживаться от конфликта - значит быть неправильным. Праведность должна быть такой же ясной и эффективной и делать все так же усердно и правильным образом, как и любой злодей. В христианстве нет никакого смысла для христианина, который сейчас не является пропагандистом мира, который теперь также не является политиком. Нет никакой веры в либерализм, который просто насмехается над тем, как мы втянуты в борьбу, которая должна навсегда изменить весь мир. Нам нужно не только призывать к миру, но и искать, показывать и организовывать путь к миру....

Мы думаем о правительствах, Церкви и прессе, а затем, обращаясь к какому-то другому источнику ментального контроля, вспоминаем организации, действительно довольно богатые организации, которые заявляют о своей приверженности продвижению мира. Голоса из Гааги нет. Так называемое движение за мир в нашем мире потребило достаточно денег и услуг, чтобы быть чем-то лучшим, чем слабое ворчание по поводу существования войны. Что сейчас делает это движение и его организации? Девяносто девять человек в Европе из каждых ста жалуются на войну сейчас. Для этого не нужны специально уполномоченные комитеты. Они проповедуют обращенному миру. Вопрос в том, как положить этому конец и предотвратить его повторение. Но искали ли когда-нибудь эти особо миролюбивые люди тайные пружины войны, или вглядывались в силы, которые воюют ради войны, или пытались узнать, как понять войну и подчинить ее? Вся Германия сплочена боевым духом и вооружена лучше, чем остальной мир. Пока сознание Германии не изменится, на земле не может быть безопасного мира. Но это, похоже, не беспокоит профессионального защитника мира, если только он может провозгласить Мир и жить где-нибудь в комфорте и с приятным чувством превосходства над общими эмоциями.

Как нам собрать воедино волю и понимание людей для удовлетворения огромных потребностей и возможностей нашего времени? Мысль, речь, убеждение, непрекращающийся призыв к ясным намерениям, ясным заявлениям для рассеивания подозрений и отказа от секретности и обмана; есть работа для каждого человека, который пишет или говорит и оказывает малейшее влияние на другое существо. Этот чудовищный конфликт в Европе, резня, голод, неразбериха, паника, ненависть и лживая гордыня - все это реально только во тьме разума. С приходом понимания оно исчезнет, как исчезают сны при пробуждении. Но оно никогда не исчезнет, пока не придет понимание. Это продолжается только потому, что мы, которые являемся голосами, которые подсказывают, которые могли бы разъяснять и вдохновлять, сами являемся такими маленькими рассеянными созданиями, что, хотя мы напрягаемся до предела, у нас все еще нет сил включить свет, который спас бы нас. За последние три недели были моменты, когда жизнь была кошмаром наяву, одним из тех застывших кошмаров, когда, когда спасение в пределах досягаемости, человек не может пошевелиться, а голос застревает в горле.

Примечания переписчика:

Исправлены пропущенные или неясные знаки препинания.

Типографские ошибки были исправлены автоматически.

Орфография и расстановка переносов были приведены в соответствие, когда в этой книге была найдена преобладающая форма; в остальном она не изменялась.